

Илона Вольнская и Кирилл Кашеев

ШТОЖОК

На стороне
мертвецов

Пора тебе умирать!

**Кирилл Кащеев
Илона Волынская
Потомокъ. На
стороне мертвецов
Серия «Потомокъ», книга 2**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980941

Потомокъ. На стороне мертвецов: РОСМЭН; Москва; 2022

ISBN 978-5-353-10088-1

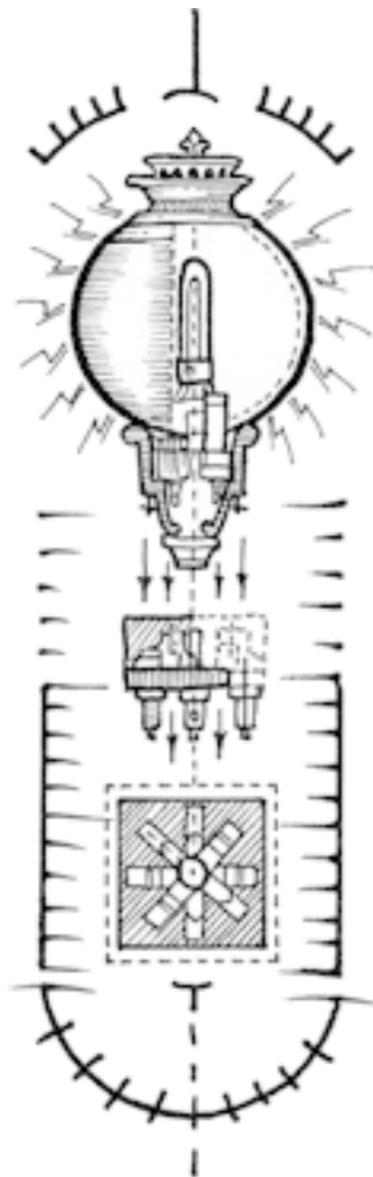
Аннотация

Вторая книга цикла «Потомокъ».

Никто не знает, что именно столичный фронт Митя Меркулов спас уезд от нашествия восставших мертвецов. Впрочем, его самого это вполне устраивает. Митю больше занимает поездка с отцом в губернский город и ожидание спасительной посылки от бабушки. Скорее бы продемонстрировать свой новый гардероб и произвести должное впечатление на прекрасных барышень! Только вот что делать, если нечисть не отстает и здесь, а прекрасное времяпрепровождение омрачают оборотни, загадочное проклятие семейства Шабельских и... снова мертвецы?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	19
Глава 2	34
Глава 3	49
Глава 4	66
Глава 5	77
Глава 6	97
Глава 7	108
Глава 8	118
Глава 9	145
Конец ознакомительного фрагмента.	152

**Илона Волынская,
Кирилл Кащеев
Потомокъ. На
стороне мертвецов**

© И. Волынская, К. Кащеев, текст, 2022

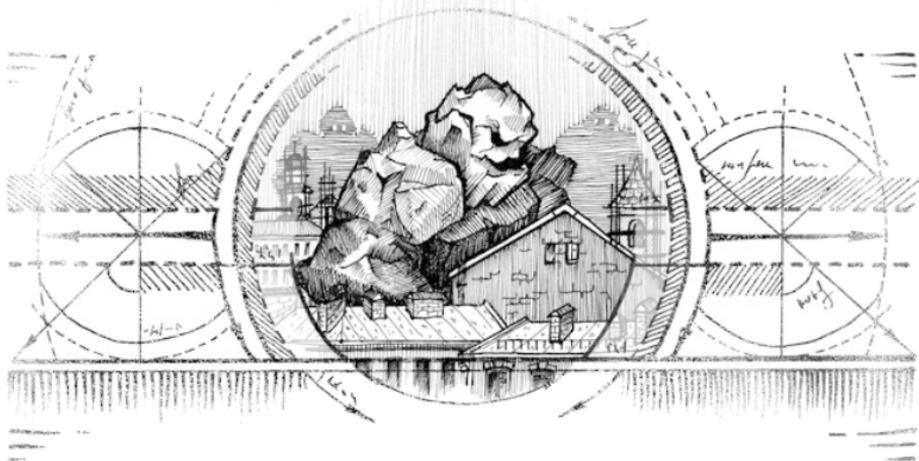
© ООО «РОСМЭН», 2022

В серии «Потомокъ» вышли книги:

1. Фабрика мертвецов
2. На стороне мертвецов

Пролог

День рабочий на исходе, раздается зов гудка

– Расставляем ручки, трясем юбчонками! – перегородив проходную немалыми своими телесами, здоровенная бабища обыскивала фабричную девчонку: быстро, но аккуратно ощупала выцветшую кофту, сунула пальцы за пояс и резко встряхнула юбку. И, тут же утратив всякий интерес, мотнула головой на выход. – Следующая давай! Подходи, не задерживайся! Чем быстрее я увижу, что вы ни отрезов, ни лоскутов с панской фабрики не тянете, тем быстрее спать пойдете.

– Жадюги ваши паны – лоскутков жалеют. Убудет от них, чи шо? – расставляя руки, чтоб контролерше удобнее было обхлопывать бока, буркнула следующая фабричная – совсем молоденькая, лет шестнадцати девчонка. Голос ее звучал равнодушно, а на плоском веснушчатом лице была написана усталая скука.

– Не нравится – вертайся в свою деревню коровам хвосты крутить, – так же равнодушно откликнулась контролерша. – Следующая!

– Подтяните мне панталоны, Оксана Мартыновна, будьте так ласковы! Раз уж все едино там лазаете, – с томной манерностью протянула черноглазая бойкая дивчина. Очередь захохотала, а дивчина немедленно получила по заду шлепка, выбившего пыль из ветхой юбчонки. – С вашими нежными ручками только в панские камеристки.

Очередь захохотала снова, а бабища добродушно буркнула:

– Иди отсюда, балаболка! Глаза б мои тебя не видели. Девица изобразила шутовской реверанс, схватила за руку поджидающую ее веснушчатую подружку и со всех ног кинулась через проходную ткацкой фабрики на улицу. Они выскочили на заставленный ящиками и тюками фабричный двор.

Бубух! Рядом с грохотом обрушилась огромная металлическая нога. Фонарь над проходной качнулся, девушки с визгом метнулись в сторону.

Скра-а-ап! Стальные клешни проплыли мимо, подхватили сразу пару ящиков, и – бубух! бубух! – железная фигура, во мраке смахивающая на гигантского безголового человека, зашагала прочь.

– У-у, идолище поганое! – Черноглазая погрозила стальному человеку тощим кулачком.

Сидящий меж плечами грузового паробота парень обернулся – в свете фонаря видна была белозубая усмешка под узкой ниткой усов – и помахал девицам.

Черноглазая погрозила кулаком второй раз и потащила подружку вон со двора.

Им навстречу тянулась мрачная вереница одетых в затрапез уборщиц: ночная смена на ткацкой фабрике заканчивалась затемно, дневная начиналась засветло, и оставалось совсем немного времени прибрать пыль и грязь, способные испортить дорогое шерстяное сукно.

– Поломойки! – хмыкнула черноглазая, и обе девчонки прошествовали мимо, явно важничая и задирая носы: они-то фабричные!

Свернули в темный проулок... Свет от фабрики исчез, словно угол обшарпанного домишки отрезал его. Даже грохот укладывающего ящики паробота стал приглушенным. Важное выражение мгновенно стекло с лица черноглазой, и она заскакала вокруг веснушчатой подружки, выделявая носками латаных ботинок лихую «ковырялочку»:

– Получилось! Ты такая: «Убудет от них...» А я: «Панта-

лоны подтяните...» А она: «Глаза б мои тебя не видели...» – Она захохотала. – Так ведь и не увидели, ничегошеньки! Получилось! – От полноты чувств она схватила подружку за руки...

– Шо ж таке у тебя получилось, краля моя? – спросил ленивый мужской голос.

Черноглазая замерла, крепко сжимая ладони подруги и не оборачиваясь.

– Франт, что ли? – Все так же не оглядываясь, краем рта спросила она.

Веснушчатая девчонка поглядела поверх ее плеча. Под едва тлеющим уличным фонарем, привалившись к столбу, стоял и впрямь настоящий франт. Конечно, ежели присмотреться, заметно было: сюртук на нем из тех, что воры-халамидники тащат с бельевых веревок на задних дворах дешевых, не огороженных кольцом охранных рун доходных домов. А потом несут на окраину Фабрики к тихому портному Якову Исааковичу, чтоб тот перелицевал обшлага да заменил приметный галун и пуговицы. Но сейчас, в неверном свете фонаря, Франт был чудо как хорош: в похожем на ведро для угля цилиндре, ярко-желтых штиблетах и перчатках – хоть и грязных, да лайковых. И даже трость у него имелась – ею он элегантно покачивал, глядя в затылок черноглазке. Веснушчатая тяжело вздохнула и кивнула.

– Тикаем! – одними губами шепнула черноглазая... и, стремительно сорвавшись с места, ринулась мимо фонаря в

темноту переулков. – Бежи, Леська, бежи!

Подхватив подол, веснушчатая Леська рванула за ней – только каблук стоптанных ботинок замолотили по брусчатке.

– Стой! Стой, кому сказал, дуры! – заорал вслед Франт, но улепетывающие девушки даже не оглянулись, они бежали... бежали...

Широко раскинув руки, наперерез из тьмы метнулась громадная тень. Бах! Бегущая впереди Леська с разгона врезалась в чью-то твердую, как доска, грудь. Плечи сжали как в тисках, развернули, точно куклу, намертво прижав к пропахшей махоркой рубашке. Леська еще успела увидеть, как подружка несется прямо на нее, – блстели во мраке широко распахнутые испуганные глаза. Потом за спиной у нее выросла другая тень – длинная, тощая, в высоченном цилиндре. Франт присел в выпаде, и кончик трости ткнулся бегущей черноглазке меж ног.

– А-а! – Она взмахнула руками и, теряя платок, кубарем покатилась по грязной щербатой мостовой.

Леська глухо всхлипнула – подружка копошилась у самых ее ног, отчаянно пытаясь подняться.

Встать самой ей не дали: Франт подскочил, дернул с земли, со всего маху приложил об стену облезлого домишки, тростью прижав девушке горло.

– И куды ж ты тикаешь от своего разлюбезного дролечки? – прошипел он.

– Пусти! – Она попыталась пнуть его носком ботинка, но Франт легко отступил в сторону, а тростью на горло надавил сильнее – черноглазка захрипела.

– Я еще ни за одной дивчиной так не бегал! – Франт укоризненно покачал головой. – А всё чего – спросить хотел. Вот скажи мне, краля моя Марьянка... – Он снова двинул тростью, заставляя черноглазку судорожно заперхаться. Придвинулся так близко, что его губы почти касались ее лица. – Где оно?

– Что? – простонала Марьянка.

– А то, что ты со своей фабрики вынесла. – Он снова двинул тростью и, надсаживаясь до вздувшихся на лбу вен, гаркнул: – Только не ври!

– Эй, заткнулись там! Спят люди! – проорали из домишки, возле которого они возились.

– Сам умолкни! – рявкнул в ответ Франт, но голос понизил. – Думаешь, я не знаю? Отрез сукна старому Исакычу продала? Продала! Где деньги? – Он на миг ослабил нажим – только для того, чтоб толкнуть девушку, стукнув ее затылком об стену.

– Тебе-то что до тех денег? – затрепыхалась Марьянка.

– Сама забогатиться решила? Без своего дrolечки? – фальшиво возмутился Франт. – А кто тебя надысь на променаду водил, лимонадой поил? Вот и ты меня порадуешь... Что там у тебя? – И он решительно задрал подол ее юбки.

– Пусти, гад! Никакой ты мне не дrolечка! – Марьянка за-

сучила ногами, снова попыталась пнуть франта, но тот рванул юбку вверх... и тихо засмеялся:

– Ты гляди, Петро, как оно хитро!

Юбка Марьянки и впрямь представляла собой любопытное сооружение: край ее был подвернут и подвязан к поясу на тонких нитках. А внутри, как в колыбельке, совершенно незаметный при обыске, лежал отрез винно-красной шерсти.

– Да ты, Франт, того... поэт! – одобрительно прохрипел Петро, глядя на переброшенный через руку франта отрез.

– Еще какой! – согласился Франт, щупая шерсть. – Ты гляди! Не бракованная. На брюки, а то и спинжак хватит. За такую Исакыч не меньше полтины даст. – Франт завернулся в отрез, будто в плащ, и гордо подбоченился. – Молодцом, Марьянка! Была б молодцом... кабы не была девкой! Лживой, как все ваше племя! Это ж надо, хабар от своих прятать! Придется тебя за то наказать. Верно, Петро?

– А як же! – немедленно согласился громила, крепче стискивая дернувшуюся было Леську.

Франт лениво хлопнул Марьянку по лицу. Выставив скрюченные пальцы, девушка прыгнула на него, как кошка... Коротко хлестнула трость, и, подвывая от боли, Марьянка рухнула на мостовую.

– Гад! Сволочь! – собирая в ладонь кровь из разбитого рта, простонала она. – Отдай!

– Было ваше – стало наше! – хмыкнул Франт. – Принесешь еще такой, глядишь, и прощу тебя. А не принесешь... –

Во второй его руке мгновенно оказался нож. Он наклонился, поднося блеснувшее в свете фонаря лезвие к Марьянкиному глазу. – Гляди у меня! Внимательно гляди, пока есть чем! Теперь ты...

Он повернулся на каблуках и двинулся к Леське. Отнятый отрез плащом свисал с его плеч. Не доходя пару шагов до девчонки, Франт остановился, элегантно отставив руку с тростью. Покрутил ножом, явно отыскивая самую эффектную позу и, не найдя, слегка суетливо спрятал его. Склонил голову к плечу, разглядывая притиснутую к груди громилы девчонку, точно знаток – картину.

– Спорим, у тебя тоже для меня кое-что есть! – Кончиком трости он подцепил край Леськиной юбки.

Петро гулко гыгыкнул прямо над ухом, а веснушчатая набычилась, исподлобья глядя на Франта:

– Не замай! Мое! Мне на юбку! На зиму!

– Зачем тебе юбка, ты и так красавица, – промурлыкал Франт, приподнимая ей подол все выше и выше.

– Писаная! – пророкотал громилы.

– А будешь дергаться – станешь ножом пописанная! – рывкнул Франт, когда Леськин каблук воткнулся прямо ему в ногу. – Стой спокойно, а не то и эту юбку пошматую!

– Рягуйте! – вдруг пронзительно, изо всех сил заорала Леська. – Грабют! Караул!

– Тю, дурная! – искренне удивился Франт. – Ты ще в участок на меня пожалуяся. «Я с фабрики честно украла, а злой

Франт отнял!» – пропищал он делано-девичьим, жеманным голоском.

– Карау...

– Петро, заткни ее! – раздраженно буркнул Франт, выворачивая подол Леськиной юбки.

Лапища громилы с тугим хлопком запечатала девчонке рот.

– Помогите-е-е! – Вопль подруги вдруг во всю глотку подхватила Марьянка.

– Еще одна самашедшая! Да что вы себе дума... – Франт осекся.

Шорох был совершенно не слышен. Лапы ступали бесшумно, лишь огромная тень медленно вползала в круг фонаря, горбатилась, хищно наваливаясь поверх квадратной тени Петра и длинной – Франта. Медленно, как на шарнирах, Франт повернул голову...

В паре шагов от них, у выхода в переулок, стоял громадный медведь.

Косматая туша перегородила проход – от одного края до другого. Отблески фонаря скользили по сбившейся, словно пыльной, кудлатой шерсти. Медведь медленно водил здоровенной, как чемодан, головой – с Петра на Франта и снова на Петра... Его утонувшие в шерсти маленькие глазки наливались кровавой яростью.

Слышно было, как за спиной у Франта судорожно, с подвыванием, выдохнула Марьянка... Раз, другой, и, с трудом

выдавливая слова из ходящей ходуном груди, прохрипела:

– Пане... Ваш-благородь... Вас сам Бог послал!

И, стремительно вскочив, со всех ног ринулась напрямиком к медведю.

– Фабричные мы, ваш-бродь, со смены ночной идем, а тут эти! – заверещала она, тыча пальцем попеременно то во Франта, то в Петра. – Грабить хотели, а может, чего похуже!

– Она все врет! – заорал в ответ Франт. – Сама воровка! Мы воровку пымали, ваш-бродь! Держи ее, Петро! – рявкнул он на отпустившего Леську Петра...

– Не слушайте его, ваш-бродь, мы девки честныя-я-я! Спаситя-яяя! – хватаясь за жесткую шерсть, прямо в ухо медведю взвизгнула Марьянка.

Медведь негромко, точно удивленно рыкнул... и начал подниматься на задние лапы. Он выросстал как огромная, кудлатая гора. Вздымался над Марьянкой, без страха глядящей в нависшую над ней медвежьей башку. Пахнуло зверем из раззявленной пасти – Марьянка не поморщилась. Медведь положил когтистые лапы ей на плечи – и она шагнула навстречу, прямо в медвежьи объятия.

– Какой вы могучий, ваш-бродь! – В голосе ее зазвучали кокетливые нотки.

Широкие черные ноздри шевельнулись, втягивая запах запекшейся в углу ее рта крови.

Медведь снова рыкнул... и потянулся к лицу, будто наме-

ревался ее поцеловать.

– Но, охальник! – Марьянка пошатнулась под тяжестью. – Пьяный, что ли? Пустить, ваш-бродь, что вы такое удумали, я девка честная. – Она попыталась отстраниться.

Маленькие глазки вспыхнули лютой яростью. Лежащие на плечах девушки когти вытянулись, пробивая ветхую кофтенку и с чвяканьем входя в человеческую плоть. Краткий, почти неощутимый миг Марьянка стояла неподвижно, только глаза ее распахивались все шире и шире да на лице застыло выражение абсолютного непонимания. Она лишь повернула голову, недоверчиво глядя на свою набухающую кровью кофту... И только потом страшно, пронзительно завизжала.

– Шо вы такое... Пусти девку, ваш-бродь, так не можно! – вдруг заорал Петро и кинулся к медведю. Вцепился в лапину, потянул, точно собираясь оторвать ее от Марьянки...

Лапа мелькнула стремительно... Медвежьи когти вонзились Петру в грудь, в одно мгновение вскрывая до ребер. Хрипящий, захлебывающийся кровью громила отлетел в сторону. Ударился об стену, да так и замер с неестественно вывернутой шеей.

– Что стала, беги! – Франт схватил Леську за руку. Отнятый отрез развевался у него за спиной, точно крылья цвета крови, то и дело шлепая девчонку по лицу. Ее ноги заплетались, путаясь в подоле, но Франт все волок Леську вперед, не выпуская мокрой от пота ладошки. Только хрипел: – Беги, не останавливайся!

Тьма дрогнула, тускло сверкнули когти... и Франт точно переломился пополам, повиснув на медвежьей лапе.

Его пальцы медленно разжались, выпуская Леськину руку, кровь полилась изо рта. Ворванный отрез соскользнул с плеч на землю. Кап... кап... кап... сверху посыпались темные капли.

– Бе... ги... ду... ра... – с новым толчком крови выдохнул Франт. Его лицо с пузырящейся на губах темной пеной жутко белело во мраке.

Леська побежала. Скользнула мимо затаившейся во тьме громадной, остро пахнувшей зверем туши и со всех ног дернула по улице. Оглянулась она всего один раз – в свете выкатившейся из-за туч луны увидела мокрую от крови медвежью морду. Медведь наклонился над Франтом – раздался пронзительный, не людской крик. А потом хрустнуло, чавкнуло... и крики смолкли. За спиной послышался мягкий топот громадных лап.

Ноги у Леськи подкосились, и она растянулась на грязной мостовой, последним нелепым движением прикрыв голову руками – будто слабые ее ладошки могли защитить от медвежьих клыков.

– Не надо... пане... – утыкаясь лицом в мокрые булыжники, выдохнула она. – Не... надо...

В затылок ей шумно дохнули, ее обдало смрадом из пасти – сознание не выдержало и рухнуло во тьму, как с обрыва в пропасть. На самой грани небытия еще послышался злой,

гортанный человеческий крик, и Леську накрыла милосерд-
ная тьма.

по зеленой стене, и камыш мягко зашелестел в ответ.

– «Пугу-пугу! Козак з Лугу!» – тихонько прошептала она. Повернулась к Мите, глаза ее загадочно блеснули. – Знаете, здесь, в плавнях... – Взмахом кружевного зонта она очертила и протоку, и стены камыша, и жаркое солнце в вышине. – ...Когда-то прятали сокровищницу Войска Запорожского. Говорят, наш предок, полковник Шабельский, и прятал. Впрочем, здесь в каждом семействе про предков эдакое говорят, – признала она и со вздохом заключила: – Не все же они разом ее прятали, как думаете, Митя? – И снова потыкала зонтом в камыши, словно надеялась, что пресловутое сокровище вывалится ей в руки.

– Думаю, главное сокровище здесь! – шепнул в ответ Митя, отпустил весла и потянулся к ней... Щелкнуло, зонтик раскрылся, отгораживая Лидию, будто щитом, и Митя ткнулся губами в кружево.

– Но нас же здесь никто не видит! – обиженно пробормотал он, сквозь завитки кружева разглядывая притаившуюся за невесомой преградой Шабельскую. Губы у той дрожали от смеха. – Вольно же вам смеяться над скромным... робким... влюбленным! – На каждом слове он пытался минуть зонтик, одновременно старательно кроя физиономию страдальческую, но и слегка ироническую. Ужасно хотелось глянуть на свое отражение в воде – это выражение лица ему не давалось. То страдания получалось с избытком, то иронии.

– Робки вы, Митя, как... как... – все так же отгораживаясь

зонтом, насмешливо пропыхтела Лидия.

– Как лев? – немедленно предположил Митя. – Ведь ро-бею я только перед вами, Лидия... Или лучше орел?

– Уж извольте приземлиться, гордая птица! – Зонтик сло-жился перед самым его носом... и ткнул его кончиком в грудь, отталкивая обратно на скамью.

– Жестокая! – вздохнул Митя, демонстративно хватаясь за грудь и тихонько кончиками пальцев ощупывая место тычка. Вот же... провинциальная барышня... на деревен-ском молоке вскормленная... так ткнула, что синяк будет! – Всего один несчастный поцелуй!

А то синяк будет, а поцелуй... нет?

– Почему же мой поцелуй – несчастный? – возмутилась Лидия.

– Потому что отказ в нем разбивает мне сердце! Дзинь – и осколки!

– Ах, оставьте ваши шутки! – Она снова открыла зонтик, прячась от пригревающих солнечных лучей. – Мы уже взрос-лые, Митя. – В голосе Лидии прорезалась неожиданная стро-гость, и выпрямилась она тоже строго и неодобрительно. – Вы же знаете, в этот сезон батюшка наконец решил меня вывозить. Вместе с Зиной и Адой... – Она зло стиснула резную ручку зонта – то, что старшей барышне Шабельской предстояло дебютировать в свете вместе с двумя младшими сестрами-погодками, приводило Лидию в ярость. – Я боль-ше не могу позволять никаких... детских поцелуев!

– Как вам угодно. – Митя тоже выпрямился – оскорбленно – и заработал веслами.

Вяло покачивающаяся на воде лодка вдруг словно встрепнулась и стремительно заскользила по протоке. Камыш замелькал у борта, точно рядом быстро разматывалась штука зеленого сукна.

– Ми-итя... – Лидия не выдержала первой. – Ну, Ми-итя же! Не дуйтесь! Вы же будете танцевать со мной на моем первом балу? Хотите, я впишу вас на кадрили? На третью? Ох, даже на первую? Не сейчас, конечно, а как только у меня будет бальная книжечка. Говорят, в Екатеринославе можно купить контрабандные. Французские! – Она мечтательно закатила глаза.

– Вы забываете, Лидия, что если вы изволите уже быть взрослой... – не глядя на нее, а продолжая размеренно, не сбиваясь, грести, бросил он, – то я младше вас на полтора года, и меня к развлечениям «взрослых» могут не допустить вовсе. Я не смогу танцевать с вами ни первую, ни третью... никакую кадрили!

Митя надеялся, прозвучало правильно: его отсутствие на первом балу Лидии – ее беда, а вовсе не его.

– Ох! – Лидия поднесла к губам затянутую в светлую перчатку руку. – Я... Я забыла! Вы... вы такой сильный... широкоплечий...

Митя стиснул рукоятки весел, а лодка рванула по протоке с удвоенной скоростью. Ему прекрасно известно, что его фи-

гура... далека от принятой ныне в свете тонкости и стройности, как у альвийских лордов. Почему, ну почему он пошел в плебейскую породу отца, а не в матушку? Сам Митя лицо матери почти не помнил, та умерла, едва ему исполнилось четыре года. Но на единственном портрете госпожа Меркулова, урожденная кровная княжна Белозерская, была аристократически хрупкой... ох, да простят Кровные Предки, откровенно тощей и угловатой. А достанься Мите матушкин длинный нос – оставалось бы только покончить с собой. Но у мужчин, у дядей и кузенов Белозерских, Кровная Порода выглядела весьма и весьма... Вот почему Митя не уродился таким же, отчего эта плебейская кряжистость, только усилившаяся от упорных занятий греблей... которые должны были открыть ему дорогу в петербургский Яхт-клуб на Большой Морской, а оттуда, как знать, и ко двору... а сгодились только уездных красавиц по протокам катать в этой... Он с отвращением оглядел морщащуюся под легким ветерком воду, сочную зелень камыша... в этой провинциальной пустыне!

– ...Такой взрослый... – продолжала лепетать Лидия. – Я совершенно забыла, что на самом деле вы еще маленький-маленький мальчик... – Она захихикала. – Дитя! – И зашла уж совершенно неприличным для барышни хохотом.

– Дитя? – вскричал Митя. – Ах, дитя! – И, бросив весла, метнулся на корму.

– Что вы делаете, что... А-ай! – Лодка качнулась, едва

не черпнув бортом, просела, задирая нос, когда Митя почти рухнул рядом с Лидией. – Что...

Договорить он ей не дал, сгребая в охапку. Ее стан, перетянутый ярко-голубым шелковым поясом, был восхитительно мягким, в отличие от девиц, с которыми ему уже случилось целоваться на детских балах в Петербурге. Митя в ошеломлении сообразил, что на Лидии просто нет корсета, и... провинциальная жизнь сразу обрела прелесть! Он стиснул руки на талии Лидии так, что та испуганно пискнула, и впился губами в сладкие, пахнущие вишней губы.

– А-ах! – губы к губам выдохнула Лидия, и руки ее разжались, роняя проклятый зонт. Она судорожно вцепилась ему в плечи, точно боясь вывалиться из лодки, он увидел рядом, совсем близко, ее широко распахнутые васильковые глаза – и прижался к ее губам крепче, сильнее, глубже, до сорванного дыхания...

Выбившийся из косы золотой волосок щекекотал ему нос... и Митя выпустил девушку из объятий и отвернулся, будто пытаясь скрыть смущение. Внутри у него все дрожало. Ни один... ни один герой лорда Байрона не чихал барышне в лицо во время страстного лобзания! И Митя тоже не... не допустит! Вот! И он яростно зажал нос пальцами.

– А-ах! О-о-о! – томно протянули за спиной... и на плечо ему легла ручка в белой перчатке. – Ну же, Митя! Вы, конечно, не должны были этого делать, но... я вовсе не сержусь! Ну, повернитесь же ко мне, Митя!

Митя еще разок глубоко вздохнул. Чих был героически подавлен. И обернулся, впившись взглядом в розовые губки Лидии. Такие близкие-близкие...

– Ох, нет-нет, хватит! – Она стремительно закрыла лицо ладонями. – Клянусь, я больше никогда не стану называть вас ребенком! Я так вовсе не думаю... Посмотрите, что вы наделали! Что я скажу маман! – И она гневно указала на кружевной зонт, покачивающийся на воде рядом с ткнувшейся в камыши лодкой. – А если он уплывет?

– То вниз по течению будут знать, что здесь живет прекрасная девушка, – ответил Митя, кончиком весла пытаюсь дотянуться до беглого зонта.

Внутри у него все пело. Поцелуй! Самый настоящий поцелуй, и объятие тоже самое настоящее, не те едва заметные прикосновения губ, что Лидия позволяла ему раньше! Тадам-пара-пам!

– Были бы вы настоящим Кровным, а не только по вашей матушке-княжне... – капризно бросила Лидия. – Вы бы достали его просто так! – И она выразительно пошевелила пальцами, точно подманивая к себе зонт.

В другой раз Митя бы обиделся, но тут только усмехнулся. Сердце еще отчаянно колотилось в груди, а быстрые, украдкой, взгляды Лидии говорили, что ее нынешние дерзости – чтоб кавалер не зазнался и не подумал, будто она так уж им очарована. Очарована, конечно, провинциалка просто обязана увлечься им – элегантным столичным юношей, и... По-

лучилось, в самом деле он ее поцеловал!

– Вы ничего не понимаете в Кровной Знати, Лидия! – снисходительно обронил он. – Вода подчиняется лишь внукам Даны-Водной, а мой дядя только женат на Дановне, а сами Белозерские... – Он вдруг помрачнел и бросил быстрый взгляд окрест, точно боясь, что здесь, меж камышами, мог кто-то затаиться. И скомканно закончил: – Не Данычи.

– А кто? – заинтересовалась Лидия, но Митя сделал вид, что не слышит, старательно дотягиваясь веслом до зонта.

Наконец проклятый зонтик качнулся и соизволил подплыть поближе. Опасно свесившись из лодки, Митя подхватил кружевную игрушку и... мстительно встряхнул, обдав Лидию брызгами.

– Противный мальчишка! – взвизгнула она, вырывая у него зонт, и покачнулась, падая прямо к нему в руки.

– Вы обещали не называть меня ребенком! – губы к губам прошептал он и не дал ей возможность ответить, целуя снова.

– Какой вы... какой... – Лидия сидела на корме, управляя скомканную на спине тонкую ткань вышитой блузы и бросала на Митю одновременно кокетливые и недовольные взгляды.

Митя невозмутимо греб, равнодушно глядя поверх ее головы. Он лишь надеялся, что по его лицу, невозмутимому лицу истинно светского человека, не видно, что в голове гудит, а в душе поет. «Перва-а-ая кра-а-асавица узда-а-а! На

полтора-а года-а старше-е! Своего добился-я Дмитрий – ничего на свете-е не-ет прекрасне-ей!»

– Лидия-я-я! – пронзительный, как трубы Иерихона, глас разнесся над плавнями. – Ли-ди-я!

Лидия и Митя переглянулись и мученически вздохнули:

– Ингвар! – и огляделись, словно отыскивая путь к бегству. Теперь стены камыша вокруг казались не убежищем, а ловушкой.

– Будь вы и вправду Водным... – буркнула Лидия, – мы могли бы уйти под водой. Как у господина Римского-Корсакова в сцене «Садко и царица Водяница»! Выбрались бы позади причала... А Ингвар пусть кричал бы... пока не лопнул! – с недостойной воспитанной барышни мстительностью закончила она.

– Вам в туфельки бы песок набился, сударыня.

– А вы бы взяли меня на руки, – кокетливо ответила Лидия.

Митя поглядел на нее хмуро:

– Дядина жена, кровная Дановна, ручьи приманивает и разливы удерживает, но даже она не может прогуливаться под Невой, как по Невскому проспекту.

– О! Простите, я не знала... – Лидия смутилась.

– Чего именно? – Митя вздернул бровь.

– Что она... такая слабая. Как это называется... малокровная, – неловко улыбнулась Лидия.

Митя поглядел на нее возмущенно.

– Тетушка – одна из самых полнокровных Водниц своего поколения! – И уж совсем мрачно буркнул: – А под Невой не гуляет, потому что у нее гардероб парижский, промочить боится.

Он просто ненавидел эти провинциальные представления о силах Кровной Знати! Губернские обыватели верят, что Кровные Внуки, потомки Чтимых Предков – неважно, Даны-Водной, Мокоши-Хозяйки, Стрибога-Ветра, Сва-рога-Кузнеца или кого другого, – могут реки вспять поворачивать и ветры узлом завязывать! Только это ведь сказки! Сказки про Первую Кровь и Истинных Князей – детей Древних от смертных мужей или жен. Сын того же Садко, купца новгородского, и по речному дну ходить мог, и воду из скалы вызвать, потому что Дана была ему матерью. Только было это больше тысячи лет назад. Все Кровные Роды называют себя Кровными Внуками своих Великих Предков, только вот Истинные Князья – это настоящие сыновья и настоящие внуки Древних. Уже с правнуков Сила Крови начинает выдыхаться, и приходится думать о правильных браках и много еще о чем для ее сохранения. И чем старше род, тем больше усилий требуется, чтобы оставаться полнокровными. Так что нынче бал правила Молодая Кровь, потомки последних Истинных, ниспосланных Предками ради спасения от монгольского рабства. В армии, на флоте, при дворе и в гражданской службе Молодые Велесовичи, Огневичи, Макошичи вроде Толстых или Шеиных теснили Старых. Всех, кроме са-

мих предвечных государей Дажьбожичей да Митиных родичей Белозерских. На их место претендентов не было, что и не удивительно. Дажьбог-Солнце лишь во времена былин-ные брал себе смертную жену. Да и о связи Древней Бабушки Белозерских с человеком осталась лишь сказка про белый шатер на покрытом мертвыми телами поле, где отчаянный безумец Иван любил прекрасную королеву Марию Моровну. И про их трех сыновей.

Камыши остались позади, лодка вывернула из протоки и понеслась по открытой воде к пахнущему свежей доской причалу.

– Ждет, – тоскливо вздохнула Лидия.

Митя оглянулся через плечо и даже восторженно прищелкнул языком.

Ингвар стоял на причале, заложив руки за спину, высоко и гневно вздернув подбородок, а очи его пламенели укоризной так, что казалось, что без всяких Кровных Сил, от одного лишь взгляда, лодка займется пламенем. Митя сложил весла, позволяя течению мягко подвести лодку к причалу, и выпрыгнул на пружинящие доски.

– Сударь, вы негодяй! – Только что скульптурно-неподвижный Ингвар отмер и гневно шагнул вперед.

– Да-да... – Митя рассеянно кивнул, набросил канат на причальную сваю и схватился за борт, подтягивая лодку.

– Как вы могли? Как вы только посмели! – Ингвар яростно стиснул кулаки, щеки его окрасились горячечным румянцем.

Лидия приподнялась на скамье, протянула ручки... Митя наклонился и, легко подхватив ее обеими руками за талию, поставил на причал.

– А-ах! – восхищенно вздохнула Лидия, не торопясь убраться ладони с его плеч. На короткий, почти неуловимый миг ее гибкий стан прижался к нему, и, приподнявшись на цыпочки, она шепнула:

– Если вы не найдете способа явиться на мой первый бал, как взрослый юноша... я отдам первую кадрили Алексею Лаппо-Данилевскому!

– Вы... – Митя даже задохнулся от такого коварства.

– Лидия!

Пронзительный вопль заставил отпустить ее талию и прикрыть ухо ладонью.

– Отпустите ее немедленно, вы, бесчестный человек! Я провожу вас домой, Лидия Родионовна, пока этот негодяй вас окончательно не скомпрометировал!

– Ингвар, – не оборачиваясь, вздохнул Митя, – вы... бегите лучше.

– Я вас не боюсь!

– Да не меня...

– Что значит – окончательно? – выглядывая у Мити из-за плеча, тихо, очень тихо спросила Лидия, но где-то там, в неведомой дали, уже ударил набатный колокол: «Беги! Беги! Пожар! Враги!» – Вы что же... считаете меня... скомпрометированной?

– Лидия! Вы – чистая, невинная девушка, не понимающая всей глубины коварства таких вот беспринципных столичных господинчиков! – Со всем жаром ревности и правдолюбия Ингвар лез в им же самим созданную ловушку. – Посудите сами: он увозит вас на лодке, одну... Вы же... Вы же в полной его власти! Он же может сотворить с вами... что угодно! Даже... даже попытаться вас поцеловать! – Голос Ингвара упал до задушенного шепота.

– Что-о-о? – Васильковые глаза Лидии потемнели до грозовой синевы. Она шевельнула зонтом, приказывая Мите убраться с пути. Митя покорно шагнул в сторону – кто он такой, чтоб спасти Ингвара от уготованной участи?

– Так вот вы какого обо мне мнения? – сквозь зубы процедила она. Шаг – и она уже рядом с Ингваром, зло глядя тому в лицо. – Бесчестный вы человек!

– Я? – переспросил Ингвар и растерянно поглядел на Митю, словно приглашая того вмешаться и напомнить Лидии, кто тут бесчестный.

– Да уж не Митя! Митя меня уважает, Мите такое и в голову прийти не могло!

Митя невольно кивнул: светские люди в салонах Петербурга неоднократно повторяли, что когда дело касается дам и девиц, мужчины думают вовсе не головой. А он, Митя, настоящий мужчина! Он горделиво приосанился.

– А вы... Слухи обо мне распускаете, низкий клеветник! Так вот вам! – И кружевной зонт неумело, но с большим эн-

тузиазмом стукнул Ингвара по плечу. Брызнула вода, зацепившаяся за спицу водоросль повисла на рукаве Ингваровой рабочей блузы.

– За что? – Парень отскочил – невыразительно-серые глаза германца были полны тягостного недоумения. – Я же вас защищаю, Лидия!

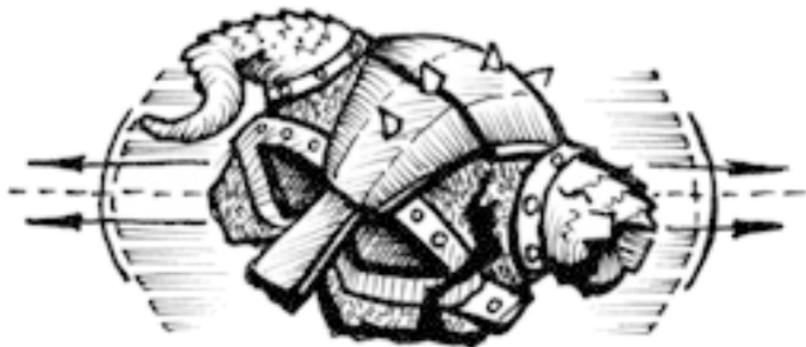
– Защищаете? Грязными выдумками, будто бы я... – Она на миг задохнулась, прижимая руку в белой перчатке к губам, щеки ее окрасил румянец. – Да как вы могли подумать! Да будь я мужчиной... нет, будь вы мужчиной, а не мерзким сплетником! Я бы вызвала вас на дуэль! Защищаете? Сами защищайтесь! – И наконечник зонта с силой ткнул Ингвара в грудь... в плечо... в живот... снова в грудь...

– Ай! Лидия! Что вы делаете! Ай! Я ваш друг! Лидия! – закрываясь руками и отбегая от неумолимо наступающей его гневной барышни, вопил Ингвар.

– Колоть таких друзей надо! Как каплунов! – вопила в ответ Лидия, азартно сдувая со лба выбившийся из косы золотой локон, и колола, колола, колола...

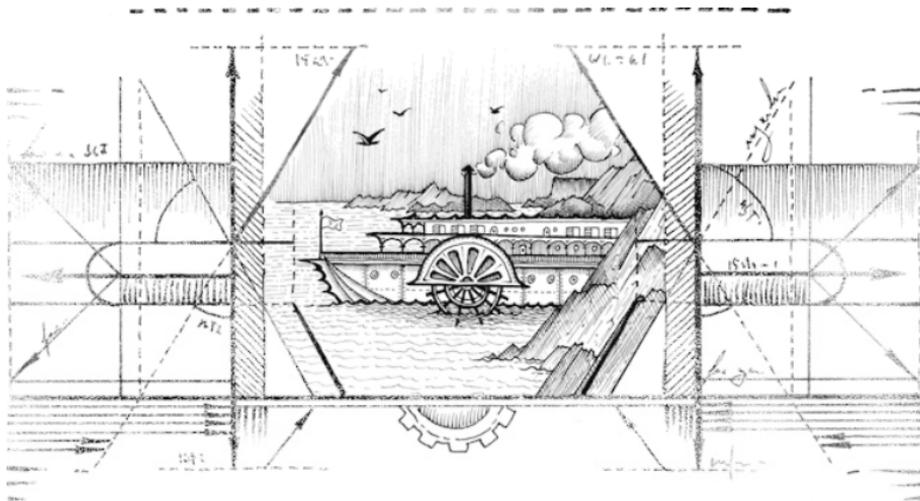
Так что Митя даже залюбовался: маленькая, стройная, злая, как оса... Может, не стоит с ней расставаться? Хотя... Кто знает, что за барышни ждут его в губернском городе? Наверняка грубые и неотесанные провинциалки... Но будет все же неосмотрительно связать себя с Лидией чем-то бóльшим, чем летний флирт, не побывав хотя бы на губернаторском балу.

– Дмитрий Аркадьевич! – уже издали прокричала Лидия. – Маменька велела передать, чтоб в Екатеринославе вы с батюшкой нас навести-или-и! Всенепременно-о-о! А вы не смейте меня за руку хватать! Вот вам, вот... Негодяй! – И она снова кинулась в погоню за суетливо лавирующим Ингваром, продолжая колоть его зонтиком.

Глава 2

Жизнь по средствам

Митя задумчиво покивал, потом покачал головой и, так ничего и не решив, зашагал по тропинке к поместью. Следы двухмесячной работы их нового управляющего, Свенельда Карловича, были видны даже здесь. Еще недавно едва заметная тропка через заросший парк теперь была выложена кирпичом, да и парк если не подстрижен – не до садовника им пока, – то хотя бы все кучи старого мусора вывезены, а сломанные деревья распилены на дрова. Митя нагнулся, нырнул под нависающую ветку и выбрался к цветнику пе-

ред домом. С присущей Свенельду Карловичу немецкой аккуратностью цветник был обложен бордюром из того же битого кирпича и перекопан, ни одного из беззаконно разросшихся полевых цветов не было оставлено. Помещичий дом красовался свежей побелкой на деревянных, а теперь снова успешно прикидывающихся мраморными колоннах, новехонькой крышей и заново вставленными стеклами в окна. Право же, за это можно простить Свенельду Карловичу даже такого братца, как Ингвар. Когда Анна Владимировна, бывшая супруга Свенельда Карловича, потребовала у строгого и экономного супруга развод, выставив его вон из возрожденного его трудом, но принадлежащего ей имения, это, конечно, стало ударом для братьев Штольц... и удачей для Мити и его отца.

«Впору букет Анне Владимировне поднести... из тех самых, выполотых с клумбы сорняков». И стоило бы... если бы легкомысленная Анна тут же не вышла замуж за такого мерзавца, как старший Лаппо-Данилевский. Мошенника, прохиндея, нарушителя кладбищенского спокойствия и попросту убийцы, увы, непоиманного. А потому для всех, кроме Мити, он оставался самым богатым и влиятельным помещиком губернии, гласным в земстве от дворянства и прочее, и прочее.

Внутри дом пах сырой побелкой. Вычищенные печи сверкали обновленными изразцами, да поскрипывали под ногами недавно перестеленные дощатые полы. Митя неприяз-

ненно поморщился – ему все же хотелось паркет. Но Свенельд Карлович настаивал «на ремонте по средствам», а отец его безоговорочно поддерживал. Теперь эта доска останется здесь на долгие годы: даже если имение начнет приносить доход, навряд ли захочется снова выносить мебель да заменять полы. И будет как в деревенской хате: осталось вместо ковров домотканые половики постелить! Когда людям недоступен стиль... он им недоступен, и все.

– Ап-тяп-тяп-тяп, чё дется, дется-от! – Мимо хлопотливо прокатилось нечто, похожее на плотно скатанный комок шерсти, сверкнули крохотные глазки-буравчики. – Молодому панычу наше почтение! Ап-тяп-тяп! – И комок торопливо умелся в анфиладу комнат. Оттуда немедленно раздался грохот перевернутого ведра, заругался женский голос, а самозванный лакей Степка, приблудившийся к ним в памятный день приезда, да так и оставшийся в доме, пронзительно заорал:

– Говорил тебе: дочиста отмывай, дочиста! Тогда и домо-вой серчать не будет!

Митя передернул плечами и направился к единственной полностью обставленной комнате в поместье – кабинету управляющего. Анна Владимировна, а вернее, ее новый муж, без всяких угрызений оставив себе многолетние плоды трудов старшего Штольца – от электрических ламп в доме до скифского золота, все же переслал в поместье Меркуловых письменный стол и шкафы с агрономической литературой.

– А, Митя, наконец-то ты соблаговолил уделить нам внимание... среди всего множества твоих важных дел. – Отец обернулся на стук в дверь. – Если бы Ингвар не сказал, что ждем, Переплут знает, когда б мы тебя увидели!

И что теперь: жаловаться, что милейший Ингвар много чего успел сказать, единственное позабыл – передать, что Митю ждут? Нет уж, жалобщик всегда выглядит ребенком, а вовсе не светским человеком, каким, безусловно, является он, дворянин Дмитрий Меркулов, сын урожденной княжны Белозерской из Кровной Знати... и выбившегося из низов полицейского сыщика, ныне назначенного возглавить новосозданный департамент полиции всей Екатеринославской губернии.

– Я же здесь! – хмыкнул Митя и со всем изяществом светского человека и дворянина опустил на единственное оставшееся сиденье – сколоченный из старых ящиков занозистый топчан. Все едино брюки, кое-как заштопанные местными бабами, после того как подлец Алешка Лаппо-анилевский уничтожил весь его петербургский гардероб, беречь уж поздно.

Свенельд Карлович бросил на него быстрый пронизательный взгляд, и Митя поторопился заговорить:

– Я шел от причала и думал, как мы вам обязаны, Свенельд Карлович! За два месяца вы совершили чудо: превратили эти руины... – он изящно повел рукой, – в руины, которые по крайности не валяются на голову. Еще б канализа-

цию сюда провести... Право же, эта будка на заднем дворе нас всех унижает. Меньше, конечно, чем выгребная яма, что была на ее месте...

И невозмутимо встретил устремленные на него недовольные взгляды. Отцу-то что не нравится?

– Мне, конечно, весьма лестно ваше доброе мнение, Дмитрий, – с обстоятельной тяжеловесностью начал немец. – Но мы как раз говорили с Аркадием Валерьяновичем, что дела наши совсем не так хороши, как мы рассчитывали. – Он подтянул к себе стопку бумаг, удивительно растрепанную для этого кабинета, где даже книги в шкафу выстроились по росту. – Мы уже обсуждали, мой ярл... – Свенельд Карлович склонил голову перед отцом, напоминая, что принес тому клятву дружинника-хирдманна, а значит, не только жизнью, но и честным посмертием отвечает за каждое слово, – что посадить хоть что-то на пахотных землях поместья удастся не ранее следующего года. Но даже это вызывает у меня некоторые сомнения. Мы с герром Лемке покамест лишь очищаем земли от бурелома с помощью наших пароботов, и должен заметить, что за годы запустения почва изрядно выветрилась и нуждается в восстановлении. Можно посадить кормовые культуры из неприхотливых, но должен отметить, что и они, в свою очередь, истощают пахотные площади...

«Никогда, – подумал Митя, чувствуя, как сознание его тихонько уплывает, словно погружаясь в мутный противно-теплый бульон, – никогда я не буду заниматься сельским

хозяйством. Чем угодно, только не этим... клевером. – Он содрогнулся. – И люцерной».

– Мы предполагали продержаться за счет заводиков, что построил на ваших землях покойный господин Бабайко... – Штольц обозначил легкий поклон в сторону Мити, а тот важно кивнул в ответ.

Имение принадлежало отцу, но заводы, а точнее, слепленные на скорую руку незаконные – и беспošлинные – цеха были его, Митиной, воинской добычей, самой настоящей, взятой по древнему дружинному праву, – и многие ли могли похвастаться таковой в неполные шестнадцать лет? Отец, наоборот, хмурился: не мог принять, что его, лучшего сыщика питерской полиции, расследовавшего дела Императорской Семьи и награжденного лично из рук Его Величества Александра Александровича III Дажьбожича, чуть не убил местный лавочник, чтобы скрыть нелегальную деятельность в подаренном отцу имении. Правда, весьма обширную деятельность, весьма...

– Мои расчеты оказались целиком неверными. – Штольц снова склонил голову перед отцом, давая понять, что принимает гнев признанного ярла. Отец молчал, и Свенельд Карлович отчеканил: – Я вновь не учел особенностей... гхм... мышления местных жителей.

Митя вздернул бровь (одну, только одну, так выразительнее!): Свенельд Карлович и впрямь считает, что у здешних еще и мышление имеется?

– Никто... верите ли, господа, никто из окрестных крестьян... – Штольц развел руками. – ...Не согласился работать! Скорее с голоду умрут, чем заработают копейку для своих семей там, где трудились мертвецы! – с отвращением закончил он.

Митя невольно вздрогнул: учитывая, что на заводиках Бабайко и впрямь работали мертвецы, а забирал он их с местных кладбищ за прижизненные долги... селян можно понять. Но не нужно. Потому что эти трусливые негодяи оставляют его, Митю, без прибыли, когда ему так нужны деньги!

– Священника привозили? – поинтересовался отец.

– Трижды. Упокоение, перезахоронение поднятых покойников, очищение и освящение места их посмертных трудов. Батюшку в бричке по селам провез, в каждом молебен отслужили по невинно потревоженным. Не идут! Плату поднял – все равно не идут, а ежели поднимать еще, всякий финансовый смысл в возобновлении работы бабайковских цехов теряется. То же самое с готовым товаром, что не успел вывезти Бабайко... – Свенельд Карлович перелистнул несколько бумаг. – У меня отказались покупать «мертвецкий» кирпич. Некоторую часть мы пустили на восстановление дома и конюшен... Надеюсь, вы, господа, не против?

Митя и отец промолчали: странно было бы, напугай их кирпич, слепленный мертвыми руками. А в конюшне у них парокони, тем и вовсе все равно.

– То же касается досок... В Александровске удалось сбыть

партию стекла, но дешево, продавать пришлось через третьи руки. Таким образом, увы... – Свенельд Карлович сложил бумаги и аккуратно подровнял стопку, – расчет на то, что восстановление имения можно произвести из доходов от захваченных цехов, не оправдался. Wohl oder übel¹, но вместо того, чтоб зарабатывать, мы лишь тратимся. – Он обвел выразительным взглядом кабинет, но понятно было, что имеется в виду свежий ремонт всего господского дома.

Митя скучился: ему этот дом вовсе не нужен, им в деревне не жить! Ему нужны деньги!

– М-да... – задумчиво протянул отец. – И с Гнат Гнатычем не расплатились. Митина доля, конечно, главная – он тех восставших божков упокоил... Но уряднику и уездным стражникам тоже премия причитается за то, что мертвяков перебили.

Митя стиснул кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя выдавленные полукружья. Божков, неожиданную находку горе-археологов, упокоил вовсе не он. Но та, что сделала это, не станет претендовать на долю добычи... ведь она их и подняла, дура деревенская! А вот мертвяков перебил он почитай в одиночку – отец со Свенельдом не видели и сотой доли армии мертвых, что поднималась из бездн земли за высоким забором бабайковского подворья. Урядник Гнат Гнатыч, и стражники его вместе с конями, и отец со Свенельдом – орде мертвяков они были на один зуб! Только косточки

¹ Волей-неволей... (нем.) – Здесь и далее примеч. авт.

бы хрустнули, если бы... если бы Митя не сделал кое-что... о чем он никому не может рассказать! Да он всех их спас! Включая глупую ведьму... А теперь еще должен им за это платить?

– Что вы предлагаете, Свенельд Карлович? – не обращая внимания на красного от ярости сына, спросил отец.

– Я вижу лишь один выход: найти рабочих в отдаленных местах. В центральных губерниях недород, осенью там начнут сколачивать артели на заработки. Мы отправим герра Лемке нанять такую артель. Может, даже две... Если привезти их прямо сюда и хотя бы на первых порах не позволять общаться с местными, за зиму мы сможем произвести изрядно недорогого кирпича. Возможно, удастся сохранить стекольный цех. А там, глядишь, и отношение местных изменится, если до весны с артельщиками ничего... эдакого... не случится.

– Совершенно ничего... эдакого. Просто будучи живыми работниками, они всего лишь замерзнут тут насмерть, – хмыкнул Митя.

А у Бабайко были резоны использовать в цехах мертвецов! Ни спать им не нужно, ни есть, ни греться... ни жалованья.

– Дмитрий! – цыкнул отец. – Но я вынужден согласиться. Я, конечно, слышал, что местные зимы много мягче...

– В Петербурге преувеличивают мягкость здешних зим:

тут и до -25 по Реомюру² случается, – перебил Штольц. – Нужны бараки с печами. Но... работников нет, а наши пароботы слишком тяжеловесны для строительства. Пусть даже «мертвецкого» кирпича у нас предостаточно, – криво усмехнулся Штольц и выжидательно уставился на своего ярла.

Первым сообразил Митя.

– Нет! – Он вскочил с топчана. – Нет-нет-нет! Вы хотите поселить их... здесь? – Он обвел стены кабинета полным ужаса взглядом. – Превратить подаренное государем имение в ночлежку для каких-то... – Дальше слов не нашлось. Он только на миг представил имение Белозерских... или младшего князя Волконского... или любого другого достойного уважения человека... где на драгоценном паркете вповалку дрыхнут эти... в армяках... и анфилада залов наполняется неповторимым ароматом онучей. Ах да, здесь же нет паркета! Он знал, что это аукнется! Знал!

– Да Митя же! – Отец повернулся к управляющему. – Свенельд Карлович... Вы действительно... хотите заселить артельщиков... сюда? В наш дом?

– Мы не можем работать на землях имения, потому что не сезон. Мы не можем работать в брошенных цехах, потому что к нам не идут работники. – Каждая фраза управляющего звучала увесисто, как удар паробота по свае. – Мы не можем нанять привозных работников, потому что им негде жить в морозы. Единственное, что у нас есть, – это восстановлен-

² – 31 °С.

ный господский дом.

– Порядочный человек не станет так использовать свой дом! – выпалил Митя.

– Дмитрий! – громыхнул отец. – Немедленно извинись перед Свенельдом Карловичем!

– Простите! – пробурчал Митя. Хотя было бы за что! И перед кем!

– Я не обиделся. Я понимаю, что так не делается и... мое предложение несколько неприлично... – волнуясь, начал Свенельд Карлович.

– Несколько? – взвился Митя. – Да если в свете узнают... прослышат...

– То им не будет до нас ни малейшего дела! – рявкнул отец. – Хватит, Митя! Сперва ты не хотел сюда ехать, а теперь ведешь себя, будто татарская Орда вот-вот захватит твое родовое гнездо!

Митя посмотрел на отца с возмущением. Родовое не родовое, а он здесь жизнью рисковал и теперь хочет, чтоб это хоть как-то окупилось! Желательно деньгами! А оно не окупается и... Свенельд Карлович как раз и хочет, чтоб были деньги... Проклятье, он запутался!

– Мы завтра уезжаем: мой отпуск и так непозволительно затянулся. – Отец прошелся по кабинету. – Жить мы станем в Екатеринославе... Или ты хочешь остаться здесь? – Он бросил на Митю быстрый раздраженный взгляд.

Здесь? Он и в этом их Екатеринославе жить не желает!

– Я не хочу, чтоб на моей кровати спал какой-то грязный... крестьянин!

Неужели отец согласится? Это же полная потеря самоуважения!

– наших кроватей им все равно не хватит – на целую артель-то, – очень серьезно сказал отец, но глаза его смеялись. – Будем мебель закупать – и кровати сменим.

– Но я же буду знать!

– Довольно! Я не могу просто содержать этот дом без всякой надежды вернуть средства! – зло поджал губы отец.

Его гримаса, как в зеркале, отразилась на Митином лице. Конечно же, нет! Потому что не умеете вы, батюшка, устраиваться в жизни, как прочие... порядочные люди. Чтоб глава департамента полиции громадной губернии артельщиков в дом селил, потому что денег не имеет! Да кому рассказать – не поверят! Только на это вся Митина надежда.

– Да и ты, мой милый мальчик... Как ты собираешься платить налог?

– Еще платить? – взвился Митя. – За что?

– Военская добыча облагается податью, – ехидно хмыкнул отец. – На что специальная комиссия имеется. Приедут, высчитают сумму... Так что бабайковские цеха или тишком сжечь, чтоб и духу от них не осталось, или уж выкручиваться как-то...

Митя обессиленно рухнул обратно на топчан – и тихо зашипел сквозь зубы. Топчан был жестким. И занозистым. И

штопаные штаны от заноз не спасали.

– Ну что ж, раз мы все решили...

«Вы, батюшка, решили! Меня никто не спросил... А если и спросили – то не так, и решили – неправильно!»

– ...Завтра выезжаем, – подвел итог отец. – Думаю, Ингвару тоже не стоит оставаться в имении – когда у него там занятия в реальном училище начинаются? Двадцатого августа?

Ох, Древние, еще и Ингвар! Ингвар будет с ними жить! Митя не то чтобы позабыл об этом, но... словно задвинул неприятную мысль в дальний чулан, не желая портить такое недолгое лето! И вот теперь мысль нагло вылезла из чулана и предстала перед ним во всей своей омерзительности – Ингвар будет с ними жить! Весь год!

– Вам, Аркадий Валерьянович, обустроиться надо, не заботясь о посторонних мальчишках.

– Ингвар нам вовсе не посторонний, – любезно ответил отец. – И я искренне надеюсь, что обустройство больших усилий не потребует. – Отец лукаво прищурился, будто хранил некую приятную тайну.

Конечно, Ингвар нам не посторонний! Ингвар нам – страдание, и боль, и вечный зуд в неудобопроизносимом месте! По крайности, некоторым из нас!

– Да и проще нам забрать его сейчас, чем потом вам наново паротелегу гонять.

«Мою паротелегу, – мрачно подумал Митя. – Тоже из ба-

байковской добычи. Потому что паротелегу Штольцев Лаппо-Данилевские оставили себе».

– Так что пусть собирается! – заключил отец.

– Я могу ему передать! – Сладким, как патока, голосом предложил Митя. Кто сказал, что месть нужно подавать холодной? Ее надо хлебать с пылу с жару, а когда остынет... можно и подогреть!

– Благодарю, я сам, – сдержанно отказался явно заподозривший что-то Свенельд Карлович.

– Вы только, Свенельд Карлович, проследите, чтоб водку с бабайковской винокурни на паротелегу грузили.

Что Митя, что Свенельд Карлович усталились на отца с одинаковой растерянностью.

– Водку? Зачем? – наконец пробормотал управляющий, но тут же спохватился. – Ох, простите, Аркадий Валерьянович, я не имею права спрашивать.

– Зато я имею! – вмешался Митя. – Это моя добыча!

– Как это – зачем? В полицию доставим, для уничтожения! – удивился отец.

– Но... Ее же и продать можно, только этикетки поменять, чтоб «мертвецкую» водку не опознали. Я уже и с покупателем сговорился...

– Свенельд Карлович! Ну ладно Митька – личность безалаберная и знанием законов не обремененная, но вы-то! Или не знаете, что на водку в Империи – казенная монополия и производство оной, а равно и продажа иначе как по

специальным патентам преследуется по статьям 1131, 1134–1138 и 1140–1146 Устава Уголовного суда? Уж не предполагаете ли вы, что вступление в должность начальника губернского департамента полиции я начну с... торговли нелегальной водкой из-под полы?

– Зато явиться в Екатеринослав с полной телегой конфискованной водки авторитета новому начальнику прибавит, – сквозь зубы процедил Митя.

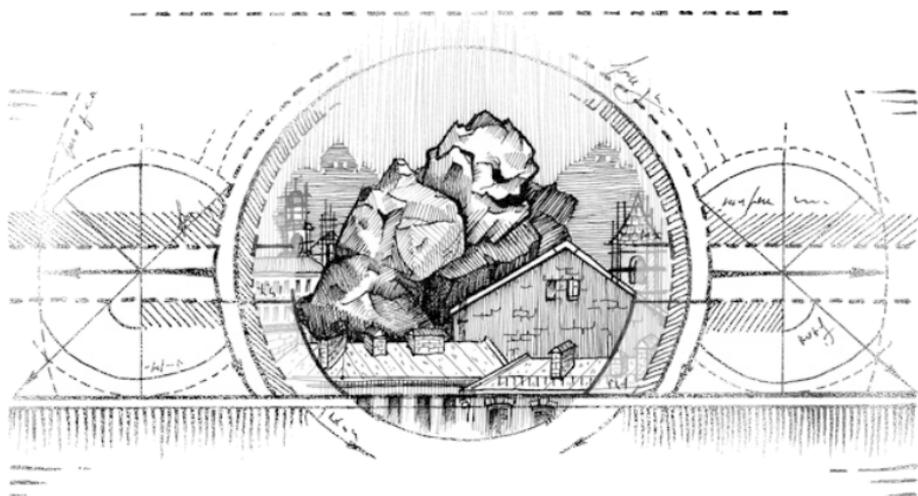
– Ты рассчитываешь, что твои слова меня... устыдят? – приподнял бровь отец. Одну бровь. И у него получилось даже лучше, чем у Мити! Кивнул Свенельду Карловичу – и вышел.

Митя и управляющий остались в кабинете, пристально и мрачно глядя друг на друга поверх заваленного бумагами стола.

Глава 3

Суэта вокруг «мертвецкой» водки

– Митя? Не хочешь побеседовать?

Вжавшийся в стену Митя неприязненным взглядом впился в дверь комнаты. Створка чуть дрогнула, будто с той стороны положили руку на дверную ручку, но осталась закрытой.

– Если дело не срочное, я бы лучше выспался, – очень стараясь говорить равнодушно-невозмутимо, ответил он. Видно, с невозмутимостью не вышло.

– Ну что опять такое! – расстроено протянул за дверью

отец. – Почему нам так трудно ладить?

– Потому что у вас отвратительный характер, папá, – все так же спокойно ответил Митя.

– У меня отвратительный характер? Ну, знаешь ли, сын! – едва, на полвершка приоткрывшаяся дверь с треском захлопнулась, и отцовские шаги гневно и решительно затоптали по коридору прочь.

– Честь имею! – тихонько прошептал ему вслед Митя и натянул наконец темную свободную рубаху, пошитую ему в деревне. А то ведь так и замер, услышав отцовские шаги, – рука в одном рукаве, голова наполовину просунута в ворот. Стремление к откровениям всегда охватывало отца удивительно не вовремя.

Пояс на темных шароварах Митя затянул потуже – купленные на деревенской ярмарке, те были слегка великоваты. Скривился: деревенская рубаха, штаны с ярмарки – до какого падения он дошел! Хорошо, хоть сапоги уцелели. Натянул сапоги, аккуратно отворил смазанную ставню и бесшумно выпрыгнул в окно.

Пригибаясь, торопливой побегжкой дернул по аллее. Под подошвами едва слышно хрустели опавшие листья – в духоте жаркого августовского вечера невозможно было поверить, что это первые вестники приближающейся осени. Ветви старых акаций устало поскрипывали под поднявшимся к вечеру ветерком. Митя невольно вздрагивал и озабоченно озирался – очень уж этот скрип походил на голос одного... существа,

которое Митя не хотел повстречать сейчас... и вообще никогда. Но вот о «никогда» мечтать уже было поздно.

Стремительной тенью – так сам о себе и подумал: «стремительной тенью» – и еще ловкой, да, ведь не попался же, – он проскочил старый усадебный парк и выбрался на задний двор. Двор был погружен во мрак, лишь у самой земли зловещим гнилушечным фонарем расползлось зыбкое свечение. Митя досадливо цокнул и пошел прямо туда, к этому свечению... Рывком приподнял незапертую крышку погребка.

– Свет видно, – спускаясь по шаткой деревянной лестнице, негромко сказал он.

– Verdammt! – выныривая из-за ящиков, ругнулся Свенельд Карлович. – Законопатьте там, что ли... – Мите в руки полетела какая-то ветошь. – Идите скорее сюда, один не справляюсь! Я уж боялся, что мы не поняли друг друга и вы вообще не придете.

– Отец пытался поговорить, – пробурчал Митя, с отвращением приподнимая за край брошенную ему тряпку. Кое-как растолкав ее вдоль щели закрытого люка, Митя торопливо спустился и пошел меж корзинами с поблескивающими сквозь прутья бутылками.

Словно колдун из страшной сказки, Свенельд Карлович метался у торчащего из стены медного крана. Митя нервно передернул плечами. До приезда в эту безумную местность он верил в реальные, общеизвестные вещи. Силу пара. Си-

ду денег и связей. Силу Крови, дарованную Древними своим прямым потомкам. То есть в паровоз, банковский счет и пламя, бьющее с рук Огневичей, или вихри, поднятые кровными Стрибожичами... Но ведьмы? Самые настоящие, не из сказок? Правда, пока что он встретил всего одну ведьму... маленькую ведьмочку... Но, видят Предки, ему хватило! А если еще и колдуны есть... Брр!

– Митя, ну что вы замерли! Не успеем! – раздраженно бросил Свенельд Карлович, засовывая надетый на кран каучуковый шланг в пустую бутылку, и повернул вентиль, пуская из крана тонкую струйку. Вода зажурчала, наполняя бутылку. – Хорошо, что пустых бутылок много. Я их продать рассчитывал, но за водку, даже безакцизную, дадут больше. Вы подносите, я наполняю, потом меняемся.

– А настоящая бабайковская водка где? – Митя подхватил плетеный короб с пустыми бутылками и принялся одну за другой подставлять их под шланг.

– Там, в углу. – Свенельд Карлович качнул головой в сторону будто бы небрежно прикрытых ветошью коробов. – Думал в бочки слить, но не успеем. Ничего, командовать погрузкой буду я, так что, надеюсь, батюшка ваш сюда спускаться вовсе не станет.

Митя кивнул. С половину часа они работали молча.

– Он... замечательный человек. Ваш батюшка... – затыкая налитую до горлышка бутылку пробкой, сказал Свенельд Карлович.

Митя, как раз водружавший очередной короб наверх уже сложенной у стены небольшой пирамиды, аж пошатнулся. Бутылки в коробе предостерегающе звякнули.

– Полицейский чиновник не должен нарушать закон, – продолжил Штольц.

– Поэтому его нарушаем мы.

– Все внутри меня восстает против этого, – очень серьезно, а главное – совершенно искренне заверил Свенельд Карлович и ногой пододвинул к Мите уже заполненный бутылками короб. – Но мы не есть полицейские чиновники, мы с вами простые обыватели, попавшие в затруднительное положение, и... мы сознаем, что виноваты.

Митя гневно фыркнул, сдувая со лба мокрую от пота прядь: он не признавал себя обывателем, простым, а уж тем более виноватым! Если кто и виноват, так именно отец... ну и Алешка Лаппо-Данилевский.

– Плохо – это уничтожить мой петербургский гардероб! Не могу же я предстать перед провинциальными барышнями... в этом! – Совершенно в стиле своего нынешнего костюма он вытер пот со лба рукавом, а потом брезгливо оттянул этот рукав, демонстрируя его Штольцу. – Мне нужны деньги.

– Почему вы стараетесь казаться легкомысленней, чем вы есть, Митя? – Свенельд Карлович разогнулся, потирая поясницу костяшками пальцев. – Вы же понимаете, что эти деньги необходимы на хозяйство. Мы новых работников без них

привезти не сможем.

«Что-о-о? – Митя тоже замер, нагнувшись к ящику. – Не думает же он, что я тут мучаюсь ради грязных крестьян, которые будут сушить онучи в нашей гостиной?»

На миг в подвале воцарилась тишина...

Скраааап... Доски, которыми наскоро был обшит потолок, едва слышно скрипнули. И снова. Скрип-скрап... Будто наверху кто-то ходил.

Двое в подвале замерли, настороженно запрокинув головы.

Хруп... Мите показалось, что одна из досок едва заметно прогнулась. И тишина.

Медленно, по полвершка, Митя начал выпрямляться...

Банц!

Митя обернулся. Кольцо на крышке люка отчетливо стукнуло.

Митя толкнул Свенельда Карловича в угол, надавил на плечо, заставляя присесть, и, прежде чем тот успел хотя бы удивиться, набросил на него ветошь.

– Тих-х-хо! Молчите!

И с фонарем в руках повернулся к медленно приподнимающемуся люку.

Это могли быть двое. Только двое. Один всюду лезущий человек и... одна потусторонняя тварь, которую Митя боялся больше всего на свете! И сейчас... сейчас он мысленно взмолился: «Пусть это будет... тварь!»

Крышка люка бесшумно поднялась – жаркий воздух, лишь слегка смягченный ночной прохладой, хлынул во влажное нутро подвала.

Скриииип! Подвальная лестница заскрипела под ногой, и – скрип-скрип-скрип! – прищелец сбежал по ступенькам.

– Я так и знал, вы – подлец!

Митя шумно выдохнул, поставил фонарь на короб – так, чтоб угол, где прятался старший Штольц, утонул в тенях, и устало протянул:

– Знаете, почему я так люблю портных? Им говоришь, какой сюртук хочешь, и хотя бы в половине случаев что заказал, то и получаешь. Не то что в прочей жизни... Жаждешь увидеть... хотя бы существо с двумя рядами клыков... а являетесь вы, Ингвар.

– Я не существо! – немедленно возмутился тот.

– Я заметил, – грустно согласился Митя.

– А портных вы любите, потому что вы – пустоголовый светский бездельник! Видал я таких!

– Где? – изумился Митя. – Вы же не бываете в свете.

– Зато теперь я понимаю, зачем вы сюда полезли! – Не обращая внимания на Митины слова, вскричал Ингвар и обвел подвал торжествующе-злорадным взглядом. – Все ради жалких сюртуков и жилетов! – В его голосе звучало жгучее презрение. – Ради них вы без колебаний готовы опозорить своего отца. Не думали же вы, что никто в полиции не узнает, если он привезет воду вместо водки? И что тогда подумают

О новом главном полицейском чиновнике? Впрочем, ваши отношения с отцом вовсе не мое дело...

– Чтимые Предки! – Митя демонстративно взялся за сердце. – Вы признаете, что такое бывает?

– Брата я позорить не дам! – не отвлекаясь, гнул свое Ингвар.

Ветошь в углу дернулась.

– Думаете, я не понимаю, кого обвинит Аркадий Валерьянович, когда дело с водой вместо водки всплывет? – зло прищурился Ингвар. – Грузить станет Свенельд – его и обвинят! А вы ведь так и задумали, низкий, бесчестный негодяй! Свалить все на брата!

– Ваш брат – разумный человек! – Митя предостерегающе возвысил голос, отодвигая фонарь подальше и прикрывая спиной уже заметно шевелящуюся ветошь в углу. – Он понимает, что нам не нужен четвертый лишний в отношениях с отцом! Хватит, что есть третий, – с намеком глядя на Ингвара, процедил Митя.

Ветошь замерла.

– А-а, так тут еще и ревность! – сделал новое открытие Ингвар. – Скомпрометируете брата, избавитесь от него... от нас... Конечно, как я мог не понять – вы не хотите, чтоб я жил в вашем доме! А что ваш отец дал Слово ярла – вам плевать! И кто будет потом именем заниматься, тоже дела нет! Вы не только подлый, вы еще и недалекий!

Ветошь активно поползла вниз. Вот же правдолю-

бец-справедливец германский!

– Имением должен и дальше заниматься Свенельд Карлович! – Митя снова возвысил голос. – Вы слышите? Хорошо меня слышите? Иначе вообще все будет напрасно... А отношения с отцом у меня все равно не наладятся.

«Надеюсь, Свенельд Карлович сообразит, что его участие в подмене водки вовсе не отменяет моего – по крайности в глазах отца».

Сообразил – ветошь опять замерла в полной неподвижности.

Зато Ингвар скривился в отвращении:

– Я совершенно не верю в ваше раскаяние! Не пытайтесь меня остановить! Мы сейчас же пойдем к Аркадию Валерьяновичу, и вы всё ему расскажете! Нет, я ему всё расскажу!

– Это, конечно, существенная разница, – искренне согласился Митя.

– А если вы попробуете отказаться... – Ингвар сделал движение, будто хотел выскочить из подвала, – я запру вас тут, чтоб не сбежали, как в прошлый раз... и приведу его сюда!

– Сюда – не надо, – еще искреннее сказал Митя и обреченно вздохнул. – Видно, придется идти признаваться. – Потому что только полное признание удержит отца от немедленной проверки подвала и даст время Свенельду Карловичу убраться оттуда.

Демонстративно повесив голову, Митя поплелся вверх по лестнице. Остановился, давая возможность Ингвару пропу-

стить его навверх, но тот неожиданно шархнул в сторону – в глазах его мелькнуло опасение. Митя поглядел Ингвару в лицо, а потом с наслаждением растянул губы в пакостной ухмылке. Боишься, крысеныш? А ведь несложно... подножка, толчок... и Ингвар летит с лестницы на земляной пол... прямо под ноги затаившемуся старшему брату. Да, дела совместные у Мити со Свенельдом Карловичем потом навряд ли сложатся. Хотя будь он сам на месте старшего Штольца, первым делом бы избавился от такого братца. Но... не может же обычный управляющий являть такую же разумность, как дворянин Дмитрий Меркулов!

И Митя чуть отстранился, кивком предлагая Ингвару выйти первым. Тот покраснел, потом побледнел, полоснул Митю ненавидящим взглядом... повернулся спиной и бегом рванул вверх по лестнице. Следом неспешно, вальяжно, явно любуясь, как белый от унижения Ингвар вынужден держать перед ним открытый люк, поднялся Митя. Еще и поблагодарил кивком, точно швейцара.

Уже не побелев, а позеленев от ярости, Ингвар с грохотом захлопнул крышку подвала и явно в сердцах защелкнул наружный засов.

Нет! Митя споткнулся. Зачем?

– Бойтесь, что бутылки разбегутся? – спросил он, чувствуя в собственном голосе растерянность.

– Я вообще ничего не боюсь! – окрысился Ингвар, со злости еще и пнув по засову, загоняя его потуже в пазы. – Идем-

те! Если, конечно, сами не трусите... – И рукой жест приглашающий сделал, дескать, шагай вперед.

И что теперь делать? Просто наклониться и отодвинуть засов? Ингвар заинтересуется – зачем? Еще полезет проверять... А там... *Cher frère, quelle surprise!*³ Отцу, конечно, уже не наябедничает, чтоб не подводить брата, однако... план сделать уважаемого Свенельд Карловича обязанным не только отцу, но и самому Мите провалится, не успев начаться. Сможет ли Митя вернуться потом, после разговора с отцом? И когда оно будет, это «потом»?

– Все-таки трусите! Других обвинять вы мастер, а сами... – злорадно протянул Ингвар.

Митя бросил еще один растерянный взгляд на запертый подвал... «Интригу со Свенельдом задумал? Личной приязни от отцовского управляющего добиться? А зачем Ингвара-то было так бесить, чтобы он начал запирать что попало?» – беззвучно поинтересовался снисходительно-усталый голос, так похожий на его собственный. «Я не думал, что он настолько... нервный, – так же мысленно огрызнулся Митя. – Зачем он вообще постоянно за мной таскается: то к бутылкам, то к мертвякам?» – «Потому что ты его бесишь!» – резонно ответил голос. «Значит, ничего страшного, если взбешу еще больше!» И Митя повернулся к Ингвару спиной, направляясь обратно к подвалу.

– Эй, вы куда? Стойте!

³ Милый брат, какой сюрприз! (Фр.)

– Я фонарь внизу забыл, – мрачно буркнул Митя. – Вы подождите тут, я загляну и вернусь...

– Вы хотите сбежать! – Ингвар ухватил его за рукав.

– Ингвар... – устало сказал Митя. – Вы действительно считаете, что я вот прямо сейчас, от этого подвала, посреди ночи, кинусь бежать, бросив дом, имение, свою будущность... исключительно из страха, что меня батюшка заругает?

– О да, я уже понял, что осуждение достойных людей для вас – ничто! Как говорится, *Scham ist nicht Rauch, sie frißt die Augen nicht aus!*⁴

Да как он... смеет! Да Митя живет исключительно для того, чтоб его ценили... достойные люди. Достойные!

– Уберите руку, Ингвар. Пока я ее не сломал, – свистящим шепотом выдавил он.

– А вы попробуйте, – приближая свое лицо вплотную к Митиному, так же зверски прошипел Ингвар. – Думаете, ежели у вас один раз получилось...

Договорить он не успел. Дыхание у него перехватило, а глаза выпучились – Митин кулак врезался Ингвару в солнечное сплетение, и тут же удар лбом – коротко и резко. Из разбитого носа Ингвара хлынула кровь.

– И в лицо мне не лезьте, сделайте уж одолжение! – Митя отпрыгнул назад – хоть и грубая рубаха, а все равно не хотелось залить ее кровью.

⁴ Стыд не дым, глаза не выест (нем.).

Захрипев, Ингвар согнулся... Врезать ему по ребрам, чтоб больше неповадно... Кулак Мити поршнем пошел вперед... С неожиданной прытью Ингвар отскочил, выпрямился и решительно стиснул кулаки.

– Во-от как... – насмешливо протянул Митя, тоже принимая стойку. – Ну что ж... Сами напросились.

Это было... сладко. Смотреть на крепко сжатые губы Ингвара, на играющие желваки и знать, что он полностью, целиком в твоей власти. Потому что если ты соревнуешься с гребцами Туманного Альвиона, да еще и позволяешь себе выигрывать, то... будь готов детальнейшим образом изучить искусство альвийского бокса в грязном стиле знаменитого семейства Хулиган из Саусворка, что близ Лондиниума! Уж они научат: или по дружбе, если сумел завоевать их уважение, или... по вражде, тренируясь прямиком на тебе. Мите пришлось учиться и одним способом, и другим. Вначале это казалось трагедией, если бы не уже тогда испорченные отношения с отцом, он бы не выдержал и пожаловался. Польза явилась потом, когда в столице в очередной раз вспыхнула мода на все альвийское, без различия, исходит ли оно от утонченных Дам и Господ из Полых Холмов или их человеческих подданных.

Ингвар ринулся на него. Кулак мелькнул у Митино лица – лишь в самое последнее мгновение он успел увернуться, пропуская разогнавшегося Ингвара мимо себя. Пинка ему вслед отвесить... Пнуть не получилось – противник не ожи-

данно метнулся вбок, закладывая вокруг Мити короткую дугу, попытался ударить с тылу...

Не выходит пнуть – лягнем!

– Аргхх! – сзади донесся хрип напоровшегося на выставленную ногу Ингвара.

Митя стремительно развернулся на каблуке и врезал Ингвару кулаком в челюсть. Младший Штольц рухнул на траву.

– А ты неплох, колбасник! – выдохнул Митя. – Но и не хорош! – И он замахнулся. У него уже сложилась традиция каждый раз отвешивать Ингвару по ребрам, а традиции нарушать нельзя, на них мир стоит.

Ингвар перекатился в сторону, нога пнула воздух. Митя провалился в собственный пинок, вторая нога поехала по скользкой траве... Всплеснув руками, точно заполошная курица – крыльями, Митя позорно рухнул рядом с Ингваром.

– Ага-а! – от торжествующего вопля зазвенело в ушах, Ингвар навалился Мите на грудь и попытался то ли придушить, то ли на глаза надавить... и вдруг так и замер с хищно вытянутыми руками и выпученными глазами.

– Мара! – шепнул он, и меловая бледность начала заливать его лицо.

Митя, уже примерившийся врезать Ингвару по почкам, удержался в последний момент – кулак мягко, как в подушку, ткнулся Ингвару в бок. Митя извернулся, стряхивая противника с себя... и тоже замер.

На крышке погребка сидела тварь. Черные лохмотья оку-

тывали тощее угловатое тело. Бесформенный плащ топорщился на спине, будто под ним прятался горб, высоко поднятые плечи чуть не подпирали запавшие щеки. Лицо твари белело, как пятно снега на черной дороге, а глаза зияли темными дырами, будто и не было их вовсе. Мара склонила голову набок, так что спутанные ярко-рыжие волосы упали на плечо, и проскрипела:

– Убьешь его? Тебе понравится! – И зашлась знакомым визгливо-скрипучим хохотом.

– Мара-а! – Ингвар взвился на ноги и, вцепившись Мите в ворот, принялся дергать изо всех сил, не переставая орать: – Вставайте! Бежим! Тут мара-а!

Митя повис в его хватке и захрипел – ворот рубахи впился в горло. Ворот треснул, Ингвар плюхнулся на зад, еще раз гаркнул:

– Бежим!

Снова вскочил и рванул по темной аллее к дому, пронзительно вопя:

– Аркадий Валерьянович, на помощь!

Оставшийся стоять на четвереньках Митя отчетливо услышал, как грохочет лестница подвала и...

Банг! Крышка отлетела от удара снизу, и, как крот из-под земли, наружу высунулся Свенельд Карлович. И замер.

Прямо над ним, широко раскинув черные крылья, парила мара.

Смертевестница заложила вираж у него над головой, ныр-

нула вниз, выставив когтистые лапы, и, раззявив глотку, гаркнула в лицо управляющему: «Кар!» – снова расхохоталась и начала подниматься по спирали, постепенно растворяясь на фоне черного неба.

– Убьешь! Убьешь! – донесся с небес скрипучий голос, и шорох крыльев смолк, будто и не было его.

Митя оглянулся – в конце аллеи мелькнула спина Ингвара, распахнулось единственное светящееся окно. Добежал. Сейчас помощь придет. Примчится. Он потянул за оторванный ворот рубахи. Здешние места беспощадны к его гардеробу. Будто некие силы задались целью от всей его одежды... тряпки на тряпке не оставить.

– Что это было? – пробормотал Свенельд Карлович.

– Одна старая знакомая... залетала. На огонек, – с треском отдирая ворот, ответил Митя. – Вылезайте, Свенельд Карлович. Что вы прибежали, никто не удивится, с такими-то криками. Но не из подвала же, право слово... – И вдруг замер, наблюдая, как управляющий торопливо выбирается наружу и запирает подвал.

Старший Штольц откинул крышку и выскочил, когда крики услышал. Значит, засов уже был отодвинут. И кто мог его отодвинуть, кроме... мары?

Митя скомкал в кулаке оторванный ворот со свисающими нитками.

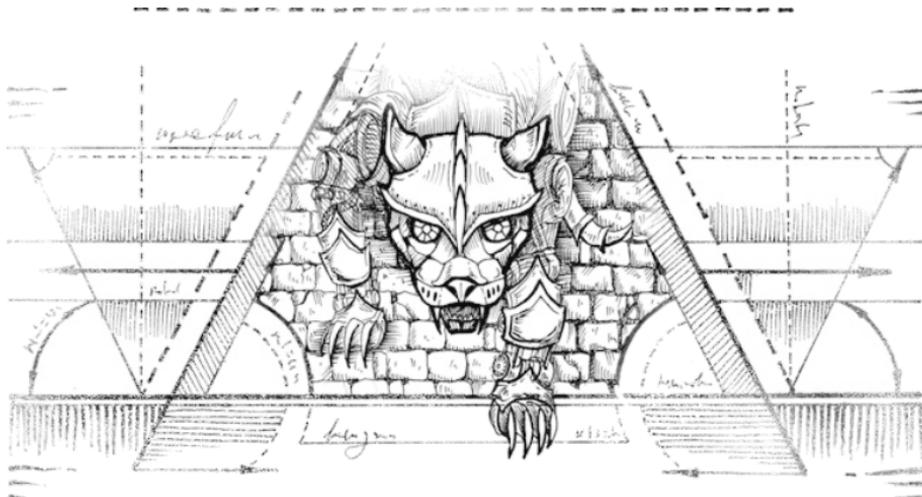
«Не выйдет! Ничего у тебя не выйдет, рыжая! И не подлизывайся – мы все равно не подружимся! И делать то, чего

хочет твоя Хозяйка, я не буду!»»

Глава 4

Сюртуки и репутация

– Как ты мог! – кричал отец.

Митя поглядел на него с усталым любопытством: что дальше? «Как ты мог так меня опозорить с этой безакцизной водкой!» или «Как ты мог торчать перед марой, ты же чуть не погиб!»

Похоже, два происшествия тесно переплелись у отца в голове, и упреки по поводу то одного, то второго высказывали по очереди.

– Как ты мог! – повторил отец, оставив Митиной фанта-

зии, что именно он мог и как. – Неужели ты не понимаешь, что... – Кажется, мара и бабайковская водка столкнулись, пихаясь локтями, потому что отец глубоко вздохнул и призвал собственные мысли к порядку. – Во-первых, как ты мог додуматься подменить бутылки? Во-вторых... Я и без того чуть не потерял тебя с этим бабайковским делом, а тут... мара! Ингвар говорит, он пытался тебя утащить, а ты как оцепенел... – Отец вдруг осекся, искоса бросив на Митю быстрый настороженный взгляд.

– От ужаса? – язвительно спросил Митя.

– Нет! Не нужно снова лезть в пасть нежити, доказывая свою отвагу, как тогда с Бабайко! – в панике вскричал отец.

– Доказывать Ингвару? Мнение младшего Штольца значит для меня не так уж много. – Митя подумал и уточнил: – Ровным счетом ничего не значит.

– Ты с ним так и не поладил, – обреченно покачал головой отец.

– Да-а... – Митя задумчиво поглядел на тархтящую впереди паротелегу. В кузове громко побрякивала обреченная на уничтожение преступная безакцизная водка, а на облучке сидел мрачный, как грозовая туча, Свенельд Карлович. Он то и дело поглядывал на рысящих вдоль дороги отца и Митю... и мрачнел еще больше. Вот уж... истинное дитя Одина, прямой и твердый, как его секира. Как бы по прибытии на место ему не пришло в голову рассказать все подробности нынешней ночи. Во имя спасения Митиной чести и взаим-

ного понимания с отцом. Рядом притулился Ингвар, на лице его царило странное выражение: горделивого довольства и... разочарования. Надеялся, что отец Митю... что? Приговорит к немедленной ссылке в Сибирь? – Поладь я с ним, может, он на меня бы и не донес.

– Очень правильно он на тебя... рассказал! – Отец аж приподнялся из седла пароконя. – Ты вовсе не понимаешь, к чему бы привела твоя выходка?

– К тому, что у меня бы явились средства на новый гардероб, – немедленно ответил Митя.

– Гардероб! Только и можешь думать... – Автоматон отца яростно рванул вперед, со скрежетом царапнув боком по Митиному пароконю. Отец тут же дернул ручку – автоматон окутался паром, сбавляя ход. – Весь Екатеринослав увидит, как мы их повезем! – Он махнул рукой в сторону подпрыгивающей на битом проселке паротелеги. – Нижние чины сгрузят бутылки и...

– И первым делом к ним приложатся! – зло выпалил Митя. Неужели отец не понимает...

– Да! – рявкнул отец в ответ. – А там вода! Как думаешь, что уже к вечеру в городе станут говорить? Что новый начальник департамента полиции – мелкий мошенник?

– А так те же нижние чины сбудут мою... бабайковскую водку в лавки! – Митя не знал, чего он испытывает больше – злости или смущения. О таком исходе он как-то не подумал... И не он один, Свенельд Карлович вот тоже...

– Конечно, – невозмутимо кивнул отец. – И у меня появятся первые штрихи к портрету полиции в губернском городе. Кто... кому... куда... Все бутылки помечены. – В ответ на Митин ошарашенный взгляд он снисходительно улыбнулся. – А ты... гардероб! Как барышня, видят Предки!

– Я не как барышня, я... как нищий! В эдаком виде только на паперти просить, – буркнул Митя, отводя взгляд. Коварный отцовский план стал для него неожиданностью. Да он вовсе не думал, что у отца есть план!

– Ты вполне пристойно выглядишь, – сказал отец.

Митя демонстративно отвернул полу плотного кожаного автоматного плаща, прикрывающего одежду седока от дорожной грязи... а в его случае скрывающий отсутствие у Мити сколько-нибудь приличной одежды.

– Придется мне всюду на автомате ездить... даже в гостиные к дамам. Потому что ни единого целого сюртука у меня не осталось.

– Тебе же там что-то зашили... – неуверенно пробормотал отец.

– Батюшка, а давайте меняться? – вкрадчиво предложил Митя. – Лучше уж явиться в городе в сюртуке не по размеру, чем в заштопанном.

Отец вспомнил Митин сюртук, после заботы деревенского портного выглядевший как... монстр из страшной истории альвийской леди Шелли, и явственно содрогнулся.

– А еще Лидия сказала, что станет танцевать с Алешкой

Лаппо-Данилевским, – добавил Митя.

Отец снисходительно улыбнулся:

– Это, конечно, важно... Но тебе следовало обратиться ко мне.

Митя покосился на него сквозь клубы пара, вырвавшегося из ноздрей отцовского автомата. Их долгий путь явственно приближался к концу: убитый проселок сменился проселком просто битым, а тот – вымощенной деревянными торцами дорогой. Вместо полей по обочинам потянулись сады – на крайних деревьях были развешены амулеты от вредителей, какими промышляли кровные внуки Симаргла. На одном таком дереве, защищенном и от птиц, и от паразитов, нахально сидели трое мальчишек и жевали недозрелые яблоки. Митя почувствовал, как во рту становится кисло, и отвернулся.

– Да, я знаю, что почти не бывал в имении эти месяцы, – явно приняв это движение на свой счет, устало ответил отец. – Но я просто не мог упустить случая проехаться по уездам. Сам знаешь, работа уездной полиции... – Он сделал сложный жест рукой, напоминая о местном исправнике, оказавшемся пособником преступника.

Митя вздохнул. Дело не в том, что он не может появиться рядом с Алешкой в штопаном сюртуке, – хотя он, конечно же, не может и не появится. Ведь именно Алешка уничтожил пошитые у лучших петербургских портных сюртуки, и жилеты, и сорочки тончайшего полотна. Дело в том, что Лаппо-Данилевские, безвылазно сидевшие в своем имении все

лето, снова намеревались вернуться в местный свет.

– Ты все еще считаешь, что Лаппо-Данилевский стоял за покойным Бабайко? – тихо спросил отец.

Митя в ответ только фыркнул. Не сам же лавочник умудрился эдак-то развернуться! Он же... всего лишь лавочник.

– Заверяю тебя как сын городского: не следует недооценивать низшие сословия, – хмыкнул отец.

Митя немедленно насупился: он не желал вспоминать дедушку-городового. Его дед – кровный князь Белозерский!

– Доказательств против Данилевских никаких... – досадливо пробормотал отец. – Полагаешь, та рыжая мара... связана с ними?

Митя покачал головой так энергично, что дорожные очки-гоглы сползли с носа. Мара была его, собственная. Только отцу об этом знать не следует.

Отец покосился с сомнением и вдруг сказал:

– Денег на новый гардероб я дам.

Теперь уж Митя чуть не вывалился из седла – пришлось добавить пару, чтоб догнать уехавшего вперед отца. Железный конь лавировал меж телегами, обычными и паровыми. Шагающие вдоль обочины пропыленные крестьяне шарахались от струй пара. Извилистая лента дороги продолжала змеиться среди деревьев: то взбегала на холмы, то снова спускалась... Но вокруг уже были не сады: впереди начинались убогие огородики и проглядывающие меж деревьями домишки-мазанки, а за ними, рубя небо на грязно-голу-

бые ломти, торчали черные трубы. И дымили, дымили, дымили...

Отец насмешливо оглянулся через плечо на нагнавшего его Митю:

– Твои вещи и правда... выглядят чудовищно. Не можешь же ты ходить в лохмотьях. Придется заказать новые.

– В Петербурге! – немедленно выпалил Митя. – У «Генри» и «Лидваль» остались мои мерки, я напишу...

– Как тебе угодно, – сухо бросил отец. – Я выделю сумму, а уж ты сам решай: заказывать на нее один жилет в Петербурге или десяток сюртуков здесь. – И, поддав пару, погнал автоматон вперед.

Митя потерянно глядел ему вслед. Каким же совершеннейшим клошаром он выглядит, ежели даже отец преисполнился сочувствия? Но деньги... это просто отлично! Есть же еще туго набитый бумажник, подаренный бабушкой Белозерской, там хватит на пару-тройку сорочек от Калина или Андре. Сколько даст отец, неизвестно, навряд много, хватило бы на жилеты... А сюртуки что же? Хотя бы один... И как же он с одним-то сюртуком – не снимая ходить будет? Митя принялся мысленно перебирать петербургских портных: Изамбар, Мандль, Страубе... И понимание, что восстановить погибший от рук мерзавца Алешки гардероб не удастся, наполняло его душу горькой желчью. Да у него сюртуков разных семь штук было, сорочек стопка, жилетов... А мелочи всяческие: галстуки, платки, воротнички... Это что же?

Ему и правда придется заказывать одежду... здесь? Но это же невозможно!

– Я паротелегу продам! – опять нагоняя отца, выпалил Митя. – Хотя бы одну!

Отец с трудом оторвал взгляд от труб на горизонте и поглядел на Митю непонимающе, словно только проснулся.

– Паротелеги, – пояснил Митя. – Они же тоже моя добыча, от Бабайко! Вот их я и продам! Не могу же я и впрямь заказывать одежду... здесь! – Он с видимым отвращением окинул взглядом глинобитные домики среди огородов и поднял глаза на трубы.

Не может хотя бы потому, что это немедля заметит Алешка Лаппо-Данилевский.

Отец еще пару мгновений глядел на него непонимающе, а потом лицо его стало мрачнеть.

– Сын... Я стоял тут и думал: вот город, который решит мою судьбу. – Он махнул перчаткой в сторону домишек и труб. – От успеха или неудачи первого губернского департамента полиции зависит... всё! – На миг выражение отчаянной решимости на его лице сменилось беспомощной растерянностью. – Или грудь в крестах, или голова в кустах... А тут подъезжаешь ты... – Всякая растерянность исчезла, отец зло покатал желваки на скулах. – ...И объявляешь, что собираешься прогулять свое достояние ради... жалких тряпок!

Митя смутился. Отец, он... всегда казался непоколебимым. Решительным. Неуязвимым. Мите никогда не прихо-

дило в голову, что он тоже может... бояться. А ведь если вспомнить разговор с дядей в Яхт-клубе, от успеха отца многое зависит. Карьера отца. Карьера дяди. Чуть ли не смена политического курса всего императорского двора! Хотя, как такая высокая политика может решаться в провинции среди грязных труб, Митя не понимал.

– О своей репутации вы думаете... а о моей? – забормотал он. Наверное, на откровенность отца надо ответить тоже откровенностью? – В провинции петербургский сюртук сразу репутация. А местный сюртук для петербуржца – это... полный провал репутации!

– Провал твоей репутации в том, что она зависит от сюртука! – отрезал отец. – Так что будь любезен, сын мой, прими уж как должное, что, во-первых, пока я твой опекун, ничего продавать ты не будешь. Во-вторых, в ближайшие годы мы будем жить в этом городе. Начинай уж к нему присматриваться... хоть на предмет сюртуков, хоть чего угодно! – Он махнул перчаткой в сторону сторожевых башен, отмечающих въезд в город.

Башни выглядели так же провинциально и запущенно, как и всё здесь. Когда-то беленные, а нынче почерневшие то ли от времени, то ли от заводских дымов, стены зияли рытвинами – и были те рытвину уж точно не от вражеских пуль. Из бойниц с выкрошившейся кромкой торчали дула боевых паропушек – не во все стороны, как положено, а лишь в одну, на дорогу, и было тех паропушек тоже всего по одной

на башню. И в довершение общей картины разгильдяйства у распахнутых настежь дверей, точно престарелые деды на завалинке, восседали башенные стрелки в по-домашнему накинутых на плечи мундирах и беззаботно обедали, хлебная духовитый борщ из глиняных мисок и с добродушным любопытством глаза на проезжих. В особенности на отца с Митей на новехоньких автоматах. Явно обсуждали пароконей, тыча в их сторону надкусанными ломтями хлеба. Рядом, уложив на лапы здоровенную башку, лежал крупный серый пес, изрядно похожий на волка, какими их рисуют в учебниках. Словно почувствовав взгляд, пес дернул рваным ухом и поднял голову, уставившись на Митю желтыми и до жути разумными глазищами.

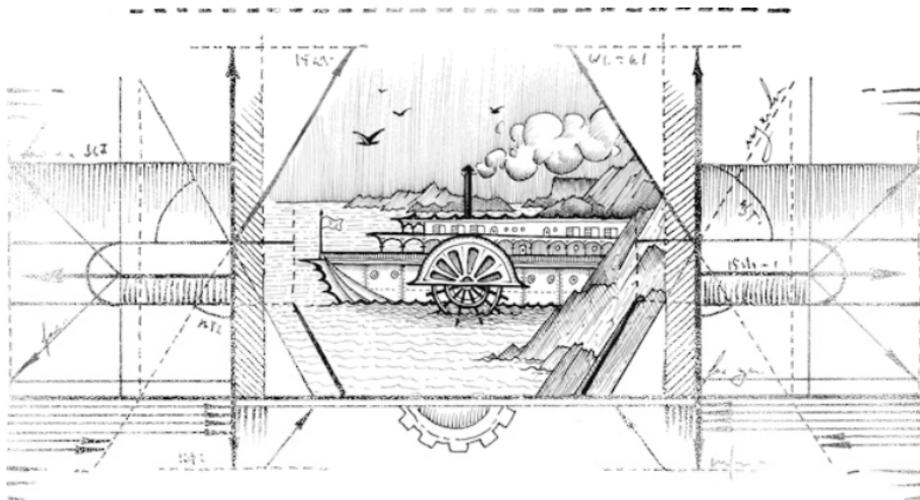
– Конечно, батюшка! Раз вы приказываете... Я со всем вниманием готов изучать... сию картину провинциальных нравов. Да что там, даже перенять могу! – язвительно процедил Митя.

С человеком, который ценит лишь свою откровенность и ни в грош не ставит, когда другой обнажает душу, никакие добрые отношения невозможны!

Глава 5

В город на пароконе

– Слышали? Вы виноваты, Михал Михалыч, вам и отвечать! – раздался рядом торопливый говорок.

– Дык без надобности они тут зовсим, для порядку стоят! – прогудел в ответ густой, рывкающий бас, от звука которого Митя чуть не вылетел из седла. – От колы батько мой, Михал Потапыч, зовсим малым был, ногайская орда в степях озоровала: стада городские угоняли, случалось, девок фабричных утаскивали – ищи их потом в степи по кибиткам... От тогда да, с тех башен ногайцам прикурить давали. А за-

раз с той стороны яка опасность? Хиба шо начальство понаедет...

Отец и Митя медленно обернулись.

У обочины дороги их поджидали трое, верхами. Даже Митя, невеликий знаток статей обычных, не паровых, коней, оценил лошадок этой троицы – и насколько лошади подходят всадникам. Поджарый жандармский офицер в свежем, с иголочки мундире восседал на нервном текинце – конь перебирал тонкими ногами и косил хищным глазом на робко кланяющихся прохожих. Коня вроде того, что под вторым всадником, Митя видал разве что на эскизах к будущей картине г-на Васнецова с тремя богатырями. Если бы конь не тряхнул гривой, отгоняя слепней, Митя и вовсе решил бы, что это выставленная у дороги каменная статуя. Конь был огромен: крутые бока, широченная спина, копыта как суповые тарелки. Коня было жалко – с усталой покорностью он нес на себе громадного всадника. Казалось, даже спина богатырского тяжеловоза прогибается под его весом. Казачий мундир, сукна на который понадобилось вдвое, если не втрое больше, чем на обычный, обтягивал широченные плечи, физиономию чуть не до глаз покрывала короткая жесткая борода. Впрочем, из-под густых, как щетки, бровей выглядывали хоть и маленькие, но веселые и добродушные глазки, а плечи лохматый богатырь сутулил, точно извиняясь и за размеры свои, и за мощь. Рядом с этими двумя третий, ничем не примечательный всадник, с прилизанными волосами

и сереньким личиком, терялся, хоть и пытался выпячивать грудь и подавать вперед мелкую мышастую кобылку.

– Его высокоблагородие – начальство и есть, и оне-с вами недовольные! – по-бабьи визгливо выпалил этот третий.

– Э-э... Для начала хотелось бы знать: кем именно я недоволен, господа? – вымученно улыбнулся отец. Кто эти трое, догадаться несложно, но ему требовалась пауза: было неприятно, что у ссоры с сыном оказались свидетели. Митя и вовсе отвернулся, впрочем с любопытством поглядывая на троицу искоса.

– Так Михал Михалычем же! – аж подпрыгнул в седле серенький. – Его башни, ему и...

– Его высокоблагородие попросил нас представиться, – хмыкнул жандарм и с щегольской небрежностью кинул руку к козырьку. – Начальник губернского жандармского управления ротмистр Богинский, Александр Иванович. Неблагонадежные лица, антиправительственные кружки, оскорбление величия и чести, иные злоумышления против державы и государя императора – это все мои заботы.

– Ну той... войсковой старшина Катеринославской паланки Азовского казачьего войска. Потапенко. Михайло Михайлович, – смущенно ерзая в седле, отчего коня клонило то вперед, то назад, как дерево в бурю, прогудел богатырь. – Порубежники мы, охрана. От цих... находников варяжских. Порт, склады, особливо железные, дюже для них лакомый кусок! Вот мои казачки, значит, вдоль всего Днепра в баш-

нях-то и караулят.

Митя поглядел на него с любопытством. Варяжские на-ходники, официально именуемые вольным виталийским братством, были бичом северных морей, и продолжалось это уже лет пятьсот⁵. Деревянные драккары сменялись паровыми, но корабли с драконом на носу, как и встарь, возникали словно из ниоткуда у прибрежных городов и налетали, убивая и грабя, увозя товары и даже людей. Их база – остров Готланд – давала отпор даже объединенным флотам северных держав, а их секрет – каким образом они каждый раз ухитряются подобраться к самому берегу – так и оставался неразгаданным. Вот и держали в северных королевствах башни с паропушками и гарнизоны, готовые встретить варягов-виталийцев, если те проскальзывали мимо патрульных канонерок. Такие же башни Митя видел и в Петербурге, и на побережье Финского залива, только служили в них императорские лейб-гвардейцы. И хотя последняя попытка витальеров прорваться в столицу случилась еще во времена Крымской войны, выглядели те башни не в пример лучше.

Митя еще раз окинул запущенные башни насмешливым взглядом, заставив громадного Михал Михалыча торопливо забормотать:

⁵ В нашей реальности витальеры, пираты северных морей, появились в 1391 г., во время осады Стокгольма датчанами. Сперва умудрялись под носом у датчан провозить в город провиант, а потом применили свои навыки, чтобы грабить побережья Балтики. Базиrowались на о. Готланд. Просуществовали до середины XV в.

– Предыдущий губернатор ци башни, на въезде-от, навить снести хотел, ну так снос – он тоже грошей стоит. Вот и отправляем дежурить хворых да проштрафившихся... и не вылезут они звидты до конца своего никчемного життя! – возвысил он голос, одаривая зверской гримасой торопливо натягивающих мундиры стражников. – А справжние башни у нас на берегу, хучь зараз поехать можем, вы уж не сумлевайтесь, ваше высокоблагородие!

– Да погодите вы с башнями! Сами представились, другому дайте! Позвольте отрекомендоваться. Мелков, Феофан Феофанович! – Серенький выслал коняшку вперед, словно пытаясь задвинуть богатыря-казака за спину. Учítывая разницу в размерах, выглядело это так, будто мышь пытается заслонить гору, – казак нависал над макушкой Мелкова и выпирал с боков. – Имею честь возглавлять здешнюю железнодорожную жандармерию. Железной дороги, так сказать, в полном объеме еще не имеется, но жандармерия – уже да-с! За порядком среди проезжающих бдим-с!

– Имел удовольствие наблюдать, – бесстрастно кивнул отец. Невозможно было понять – хвалит он или упрекает, но Мелков ошутимо занервничал. – Меркулов, Аркадий Валерьянович, коллегии советник, начальник новосозданного губернского департамента полиции.

– Та мы знаем, – прогудел Потапенко, продолжая смущаться; флегматичный до безучастности коняка терпеливо сносил его ерзанье. – Чого б мы иначе туточки торчали?

– Вечно вы, Михал Михалыч... – немедленно накинулся на него Мелков.

– Тише, Фан Фаныч, – оборвал «железнодорожника» жандарм и перевел взгляд на Митю.

– Сын мой, Дмитрий, – с явным облегчением представил отец.

Митя мысленно обревизовал свой внешний вид – автоматон блестит, кожаный плащ скрывает все недостатки одежды – и поклонился, старательно копируя поклон младшего князя Волконского на конной прогулке вдоль Невского. Край глубокого автоматонного сиденья немедленно врезался ему в живот, но выглядело, сдается, весьма бонтонно.

– А также мой управляющий, Свенельд Карлович Штольц, и его младший брат Ингвар, – указывая на остановившуюся неподалеку паротелегу, закончил отец.

Троица раскланялась в ответ: жандарм – снисходительно, старшина – расплывшись в широчайшей улыбке, от которой борода разошлась в стороны, как распахнутые крепостные ворота, а «железнодорожник» – слегка подобострастно.

– Мы знакомы. – Жандармский ротмистр едва заметно кивнул. – Правда, раньше мы знали Свенельда Карловича в несколько ином статусе. – И двусмысленно усмехнулся. Глядел он на старшего Штольца... точно как приближенные нового государя Александра III Дажьбожича на соратников государя предыдущего. Прикидывая, достаточно ли те ослабели уже, чтоб сожрать, или сильна еще старая гвардия, и

лучше поостеречься.

Свенельд Карлович склонил голову в ответ – на лице его не дрогнул ни единый мускул. Зато Ингвар, как всегда, вспыхнул и уставился на жандарма негодующим взором. Ну что с ним сделаешь, разве можно поддаваться на такие простейшие провокации? Митя едва заметно шевельнул рукоять автомата – пароконь клацнул, переступил с ноги на ногу... и чуть-чуть развернулся. Насмешливым взором жандарм вместо красной физиономии Ингвара уставился на железный конский круп. Из-под задранного хвоста курился тонкий белый дымок.

Жандарм даже слегка вздрогнул и вскинул изумленный взгляд на Митю.

«Очень, очень надеюсь, что уж я-то невозмутим! Любезность, благожелательность, непроницаемость. Любезность, благожелательность...»

– А мы вот... встретить вас решили, ваше высокоблагородие! – ничего не замечая, продолжал частить Мелков. – Ответственный адрес заготовили – вся железнодорожная служба подписалась. – Он засуетился, извлекая из притороченного к седлу кожаного планшета роскошный бархатный альбом, открыл и, внушительно прокашлявшись, приготовился читать.

– Весьма благодарен, господа, только давайте после! Хотелось бы оценить во всей полноте... а здесь это вряд ли возможно. – Отец кивнул на запруженную людьми дорогу.

– Конечно, как угодно-с... – явно расстроился Мелков и попытался пристроить свою коняшку рядом с отцом. Но конь под казацким старшиной развернулся неторопливо и страшно, как крейсер в городском пруду, едва не вынеся Мелкова из седла одним взмахом хвоста. Мышастая лошадка «железнодорожника» шарахнулась в сторону, испуганно взбрыкнув задом.

– Стой, холера ясная! – Мелков заполошно дергал узду, не успокаивая, а еще больше пугая лошадь.

Тем временем текинец жандарма скользнул мимо, будто змея, и занял место по другую сторону отцовского автомата. Наконец-то справившийся с конем Мелков горестно поглядел вслед более расторопным приятелям, вздохнул и пристроился рядом с Митей. Кавалькада неспешно двинулась по дороге. Замыкала процессию паротелега с тарахтящими и подпрыгивающими в кузове водочными бутылками.

– Неужто это и есть его высокоблагородия знаменитая добыча? – приторно-любезно поинтересовался Мелков.

Митя покосился оскорбленно: добыча на самом деле была его. Прознают здесь, как он мертвяков крошил, – отбою от барышень не станет, все захотят познакомиться, с героем-то. К сожалению, отбою не будет не только от барышень. Ротмистру тоже по должности положено интересоваться: а как Митя, бескровный, мертвяков крошил, да еще в количестве, сильнейшим Моранычам нынешнего поколения недоступном? И ни за отцовское звание, ни за дядюшкин титул не

спрячешься. А он все еще надеялся – спрятаться. Ускользнуть от судьбы, ласково усмехающейся ему клыкастой пастью рыжей мары.

– Наслышаны, наслышаны! – не дождавшись ответа, продолжал вещать Мелков, слегка подобострастно заглядывая Мите в лицо. – Весь город кипел – начальник департамента и в должность еще не вступил, а уж такого размаха преступление раскрыл! Нелегальные цеха! Поднятые мертвецы! Говорят, нечто сугубо еретическое вскрылось?

– Поднятые древние боги. Древнейшие, – сквозь зубы процедил Митя: Мелков ему не нравился. Когда перед тобой лебезит чиновник не самого низкого ранга – это должно льстить. Но почему-то не льстило, скорее... Мелкова хотелось убить. Митя едва заметно вздрогнул, вдруг поймав себя на желании ткнуть пальцем в эти бегающие глазки и давить... давить... давить...

– Да как же это можно – чтоб боги? Никак не можно, Бог-то – он один! – укоризненно залопотал Мелков и перекрестился на торчащую вдалеке церковную маковку. Мите пришлось с силой сжать пальцы, а то руки так и тянулись к пухлону, в складочках горлу.

«Да что со мной?» – торопливо пряча кулаки в карманы автоматонного плаща, испуганно подумал он.

– Бросьте, Фан Фаныч. Как их еще называть-то: дальние предки Чтимых Кровных Предков? – бросил через плечо ротмистр. – А вдруг они вовсе не предки? И даже не родичи?

– Родичи не родичи, а ведь встали... стервецы! – буркнул Мелков, и последнее слово звучало как ругательство, а не как обычное название восставших мертвецов. – Где это видано, чтоб какой-то лавочник мертвяков, будто Кровный Мораныч, поднимал?

– Раз уж Аркадий Валерьянович, прошу прощения, ваше высокоблагородие, но вы ведь ни разу не Кровный... ежели сами, без Моранычей, упокоили, так и мертвяки, видать, пожиже обычных оказались? – хмыкнул ротмистр. – Хотя сынок ваш вроде бы Кровный по матушке? – И острые, как два буравчика, глаза его уставились на Митю.

Вот теперь светская выучка понадобилась сполна. Не показать, что напрягся, не дрогнуть лицом...

– Жидкий мертвяк, ротмистр, особой опасности не представляет, – негромко, так что Богинскому пришлось податься вперед, чтоб услышать, обронил отец. – Ввиду высокой стадии разложения. А по матушке разве что посылать можно, а Кровным быть никак нельзя. Ты или Кровный, или нет. Впрочем, вы ведь это знаете, не так ли, Александр Иванович?

– Я и про древнейших богов раньше не знал, – буркнул ротмистр. – *There are more things in heaven and earth, Horatio, Than are dreamt of in your philosophy*⁶.

– Просто зазнался народишко не по чину, – заключил

⁶ «Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» (англ., В. Шекспир. «Гамлет»).

Мелков. – Чугунку кладут, заводы строятся, вот и лезет сюда всякая шваль. Вон там Брянское акционерное общество литейные цеха заложило. – Мелков махнул в сторону труб. – А с той стороны конкуренты их, бельгийские заводы «Шодуар». Заводов еще и нет толком, а рабочие уже из-за барачков бунт учинили. Дескать, зимой там жить невозможно. И добро б их, бельгийские, рабочие! А то ведь наши, русские! – В голосе Мелкова дрожало тягостное недоумение.

– Неужто все так плохо? – пробормотал Митя.

– Та и доброго багато! – вдруг громыхнул казацкий старшина. – Пришлый рабочий народишко, звычайно ж, шебутной... Алеж ось мы з вами, панове, зараз на Фабрику въезжаем...

– Район такой, по фабрикам ткацким названо, еще при светлейшем князе Потемкине заложены: суконные, чулочные, иные прочие... У самого государя императора три мундира екатеринославского сукна! – поторопился влезть Мелков.

Митя разочарованно хмыкнул: окрест не оказалось ни лавок, торгующих тем самым сукном, ни иных интересностей. Облупленные домишки в один, самое большее два этажа перемежались глиняными домиками с огородами. По лысому пустырю бродили тощие козы.

– Самое гиблое место в городе! – усмехнулся ротмистр.

– Було! – наставительно поднял толстый палец Потапенко. – При батьке моем, Михайло Потапыче, навить здоровые

мужики, при оружии, якщо сюда ехали, коней в галоп пускали, да и то всякое случалось. меховые воротники с офицерских шинелей, и те обрывали. А зараз сносить будут! – довольно прогудел он. – Заводуправление бельгийское поставят... А це склад «Брянского товарищества». – Он ткнул хлыстом в громадный прямоугольник, сложенный из новехонького кирпича, торчащий среди развалин, словно гриб на трухлявом пне. Заплетаясь в спутанный клубок, со всех сторон к прямоугольнику тянулись накатанные колесные колеи. Битюги-тяжеловозы волокли проседающие телеги, а крепкие грузчики с матом и уханьем выгружали тускло поблескивающие железные болванки.

– В центральные губернии отправлять будут, на питерские заводы, – кивая на склад, пояснил ротмистр. – Должны были уже отправить, но сроки строительства дороги сорваны...

– Да, мне объяснили, – обронил отец. Покойный железнодорожник, что так и не довез свой доклад до губернатора.

– Железа с чугуном тут скопилось – на сотни тысяч рублей. А может, даже на целый миллион! – аж зажмуриваясь перед величиной и величием суммы, сладко пропел Мелков.

– Почему не выставили охрану? – поинтересовался отец, и вся троица застыла в седлах. И впрямь будто васнецовские богатыри на распутье.

– Дык... Кому охранять-то? Мои казачки все на башнях, – прогудел Потапенко.

– Мои жандармы не умеют сторожить склады, – отрезал

ротмистр.

– Моим так вовсе дальше железной дороги дела нет! – подхватил Мелков.

– Любопытно, что бы ответил ваш полицмейстер, – сытым котом промурлыкал отец и одарил троицу долгим взглядом, точно пересчитывая.

Митя подавил ухмылку. Из будущих отцовских подчиненных только полицмейстер встречать не явился.

– Зато теперь, господа, вы перестанете задаваться вопросом, почему именно у вас государь император повелел создать первый губернский департамент полиции, – насмешливо добавил отец.

Последовало недолгое молчание, новые подчиненные торопливо переглянулись – в глазах их сквозила досада... и некоторое, слабенькое пока, уважение.

– Государь мудр, – наконец пробормотал Мелков и вдруг радостно подскочил. – А вон, глядите, сосед ваш, Лаппо-Данилевский! Точно он, только у него эдакая чуда имеется!

Подпрыгивая на выбоинах, к складу катила паротелега.

– Из приданого Анны Владимировны? – косясь на Штольцев, невинно поинтересовался ротмистр.

Митя едва заметно качнул головой. Даже если это паротелега Штольцев, то выглядела она... странно. Вместо знакомого открытого кузова на задке красовалось нечто вроде полотняного навеса – как в фургонах переселенцев из Туманного Альвиона в Новый Свет, готовых хоть с дикими индей-

цами жить, лишь бы от Дам и Господ из Полых Холмов их отделял соленый океан.

Отец одарил ротмистра укоризненным взглядом и обернулся к Штольцам:

– Свенельд Карлович, вы ведь знаете, где здешний полицмейстер обретается? Сделайте одолжение, отвезите водку туда, мы вас догоним.

Митя мысленно согласился: просто уехать, не поздоровавшись с соседом, неприлично, но Штольцам с новым мужем Анны встречаться не следует.

На лице Свенельда Карловича мелькнуло облегчение, зато Ингвар вскинулся, как боевой конь.

– Мы не собираемся бежа... – гневным фальцетом начал он.

Пшшшш! Резкий рывок рычага, и пар из Митинового автомата накрыл всех. А когда развеялся, Свенельд Карлович уже катил прочь, что-то неслышно выговаривая Ингвару.

Крытая паротелега подъехала, и с облучка спрыгнул Иван Яковлевич Лаппо-Данилевский, помещик, гласный губернского земства от дворян, уважаемый человек – о чем знали все. Убийца, оскорбитель Крови, сообщник покойного Ба-байко – о чем знал только Митя, ну и отец тоже, но ему доказательства нужны...

– Дорогой сосед! Господа! – Иван Яковлевич изящно отсалютовал тростью. – А это Штольцы отъехали? Паротелегу прикупить изволили, Аркадий Валерьянович? Одобряю,

весьма полезная в хозяйстве вещь! – Лаппо-Данилевский похлопал бывшую собственность Штольцев по передку.

– Военная добыча, – протянул Митя. – От господина Бабайко. У нас еще три такие есть.

«На что угодно спорю – не все они раньше принадлежали Бабайко. Была тут и ваша доля, Иван Яковлевич!» – злорадно подумал он.

Была – Лаппо-Данилевского заметно перекосило. Но он кивнул Мите, будто только заметил:

– Дмитрий... Жаль, Алеша со мной не поехал. Он вас часто вспоминает. – Последние слова звучали откровенной угрозой.

– Приятно слышать. Я его тоже.

И не надейтесь, не забуду!

– Везти юношу в столь непрезентабельное место! – тут же подхватил отец.

– Ну ваш же юноша – вот он! – окрысился Лаппо-Данилевский.

– Так мы по делу.

– Так и я не для удовольствия! Подумываю вложить деньги в новые бельгийские заводы «Шодуар». Присматриваюсь пока – как и что! – Взмахом трости он указал на склад.

– На этом складе нет бельгийского железа, – вдруг негромко сказал ротмистр. – Здесь только железо для питерских заводов, а их заказы все идут «Брянскому товариществу».

– Ничего! – небрежно отмахнулся Лаппо-Данилевский. –

Сегодня – брянцам, а завтра, глядишь, и к бельгийцам обратятся. Вот Аркадий Валерьянович говорит, что промышленность – дело растущее, а я ему верю. Может, даже предложу бельгийцам еще один склад поставить, заодно и кирпич им продам – я, знаете ли, на Анечкиных землях заводик кирпичный заложил.

Митя неслышно скрипнул зубами. А их «мертвецкий» кирпич не берут, и он готов поставить последнюю уцелевшую сорочку от Калина против крестьянских онучей, что Лаппо-Данилевский к этому причастен.

– Умеете вы дела делать, Иван Яковлевич! – с завистливым подобострастием выдохнул Мелков.

– Умею, – согласился Лаппо-Данилевский. – Могу и вас научить, Фан Фаныч.

– У чиновников моего департамента одно дело – общественный порядок, – холодно обронил отец. – Этим мы и займемся, не так ли, господа? Честь имею! – кивнул он Лаппо-Данилевскому и повел автоматон прочь.

Теперь Митя ехал последним, лопатками чувствуя устремленный ему в спину взгляд. Что ж, в этом коротком соревновании Иван Яковлевич их обошел. Чуть-чуть. Но гонка только начинается.

Копыта автоматов звучно чавкали в грязи. Здешняя Фабрика и впрямь была местом отвратным. Митя дернул пароконя в сторону, объезжая вдавленную в дорогу дохлую кошку. От мостовой остались лишь редкие островки камня,

но и те были уже частью выворочены. Митя представил, как мостовая с каждым днем укорачивается все больше, больше... Улица была совершенно, оглушающе пуста.

– Гнать народишко отсюда велено, ось-ось сносить будут, – буркнул Михал Михалыч. – Хиба що сами фабричные ходють, так зараз смена у них.

Но Мите все равно казалось, что сквозь плотно закрытые обшарпанные ставни за ним следят внимательные глаза. Взгляды тянулись за их кавалькадой, точно клейкие паутинные нити. Земля едва заметно содрогнулась – возвышаясь над домишками, по соседней улице протопал паробот, человека в седле скрывали нагруженные на железные плечи ящики. Паробот был старый и то и дело заваливался на бок. Казалось, еще чуть-чуть, и он рухнет, сминая убогие домишки, как бумажные. К запаху мокрой земли и глины прибавилась вонь старого масла и еще чего-то... чего-то отлично знакомого, даже родного... противного, но одновременно и притягательного.

Митя вдохнул всей грудью – ноздри его жадно трепетали. Голова вдруг отчетливо закружилась, так что ему пришлось схватиться за ручки автомата, чтобы не выпасть из седла. Автомат повело в сторону, и он едва не врезался в рот-мистра.

– Юноша! – заставляя своего текинца отпрянуть, гаркнул Богинский. – Что с вами?

Митя не слушал. Не слышал. В ушах гремел набатный ко-

локол, отрезая все звуки, а перед глазами плыл туман. Остался только знакомый запах и желание идти за ним – отчаянное, непреодолимое. Он должен сейчас же, немедленно узнать, что... это... там... пахнет! Кто... это... там...

Дергано, точно сам был всего лишь автоматом, Митя сомкнул пальцы на рукояти... и пароконь неуклюже, пошатываясь и засекаясь, двинулся в соседний проулок.

– Митя! Куда ты? – закричал отец, но эти крики доносились как сквозь подушку.

– Митя! – Чья-то рука схватилась за рычаг, пытаясь остановить автомат. Митя резко ударил ребром ладони, раздался болезненный вскрик, рука пропала... Поле его зрения вдруг сузилось, превратившись в туннель, в котором виднелся лишь конец проулка – и, словно картина, обрамленная рамой, искореженный старый фонарь.

– Може, мне его с седла-то выдернуть? Неладное щось с хлопцем! – все так же издалека долетел бас Михал Михалыча.

И нервный голос отца в ответ: «Да! – и тут же: – Нет, погодите! Митя!»

Митя прибавил скорости и в дробном грохоте копыт и разлетающихся брызгах влажной земли вылетел на что-то вроде крохотной площади. Автоматон едва не врезался в покосившийся фонарь – Митя успел дернуть ручку.

– Фабрика... фонари тут ставить смысла нет – не уцелеют, – бросил ротмистр. От него тянуло легкой брезгливо-

стью – кажется, жандарм решил, что сын у нового начальства склонен к припадкам. Мите было все равно. Важен был только зов – отчетливый, непреодолимый зов... крови. Кровь пела. Кровь звала.

Митя сиганул прямым из седла, пошатнулся, едва не упав, и, скользя сапогами по остаткам брусчатки, кинулся к ближайшему домишке.

– Что ты делаешь? – снова закричал отец, когда Митя санданул каблуком сапога по ржавому замку на двери. Тот лишь громко лязгнул, Митя зарычал, как дикий зверь, и метнулся к автоматону за инструментом.

– Погодь, сынку, зараз я ее... – вдруг прогудел оказавшийся рядом старшина и двинул в дверь плечом. Сорвавшаяся створка с грохотом рухнула внутрь.

– Михал Михалыч, зачем вы... – начал Мелков.

– Та сдастся, хлопец знает, що робить.

Митя, набычившись, как для таранного удара, ринулся внутрь. И встал посреди запыленной комнаты. Его отпустило – мгновенно и сразу. Гул в ушах стих, туман перед глазами развеялся, все стало четким и ясным, и Митя просто стоял, вбирая в себя зрелище, которое после недавней одуряющей мути на краткий миг показалось ему восхитительным! И только задушенный, полный ужаса шепот за спиной: «Творец Вседержитель и Кровные Предки!» – заставил его очнуться.

В тонких, похожих на спицы, лучиках света, пробивавше-

гося сквозь щели закрытых ставен, куча посреди комнаты казалась брошенным тряпьем. И только когда глаза привыкли к сумраку... Мелков ринулся вон, и тут же стало слышно, как его тошнит за порогом.

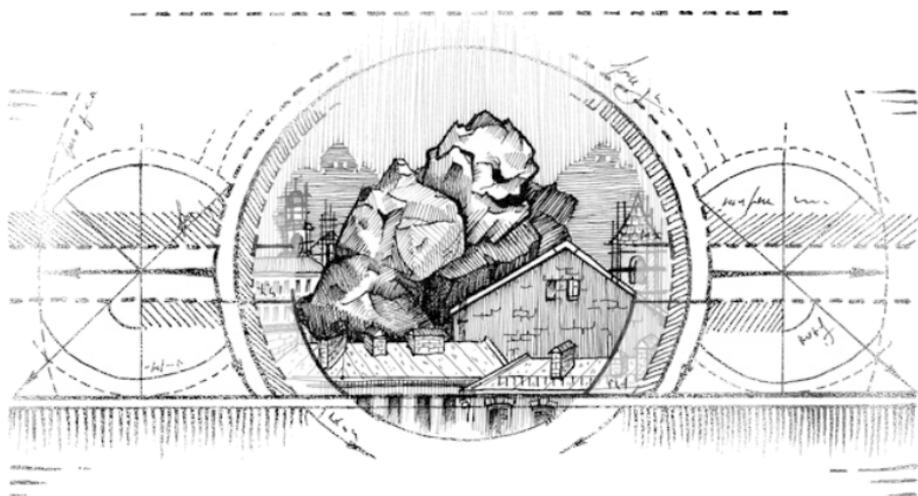
На полу, глядя в потолок остановившимися пустыми глазами, лежал мужчина – в напрочь развороченной груди его белел кусок кости. Второй притулился в углу – в некогда дорогом, а ныне изодранном в клочья сюртуке, измаранном кровью белом жилете и даже в цилиндре, с силой нахлобученном до самых ушей. А у ног его были небрежно брошены останки женщины. Тело с вырванной рукой и откатившаяся в сторону голова с недлинной темной косой. На застывшем лице не было страха – только растерянность и недоумение.

В пыли вокруг мертвецов отпечатались следы громадных медвежьих лап.

Глава 6

Знакомство в мертвецкой

Красно-золотистые волны жара колыхались вокруг. Воздух был настолько сухим, что дышать им было невозможно: казалось, в рот и нос набивается горчичная бумага. Язык и горло жгло, кожа горела, не выпуская наружу даже капельки пота. Что, конечно, радовало – приличный человек не потеет. Во всяком случае, на людях. И не срывает с себя одежду, каждое прикосновение которой к измученному телу вызывает волну боли. И не облизывает пересохшие, потрескавшиеся до крови губы.

– Не понимаю, Аркадий Валерьянович, где вы тут обнаружили преступление? – Недовольный голос полицмейстера ввинчивался в мозг, как бурав из мастерской Ингвара. – Нападение животного – трагический, но всего лишь случай!

– Шурин рассказывал, у них в Сибири медведи по окраинам бродят. Не знал, что в Екатеринославе так же, – хмыкнул отец.

– У вас, ваше высокоблагородие, шурин в Сибири? – с нехорошей многозначительностью протянул екатеринославский полицмейстер.

– Губернатором... – не глядя на них, словно беседуя со стеной, обронил жандармский ротмистр.

Воцарилось молчание, которое наконец прервал отец.

– Добыча надкушена, но не съедена, – принялся загибать пальцы он. – Не брошена там, где убита, – жертв затащили в дом. И заперли на висячий замок. Сомневаюсь, что это могло сделать животное.

Теперь молчание стало и вовсе долгим.

– Местные могли спрятать. Чтоб их не опрашивали. Фабричные, знаете ли, не слишком законопослушны, – наконец пробормотал полицмейстер.

– Разберемся, Ждан Геннадьевич, – сие наша с вами прямая обязанность. Человек ли, зверь – нам ловить, – протянул отец. – Для начала отправьте вашего фотографа запечатлеть место преступления. После пусть заберут тела в мертвецкую, на ледник. И отбейте телеграфом сообщения во все

участки города, чтоб приглядывали – вдруг и впрямь медведь. Цирк у вас тут, случаем, представлений не давал?

– Но... В наших участках нет телеграфных аппаратов! И фотографического у нас тоже... нет. То есть он был, но... сломался. Фотографист наш им мазурика по голове стукнул, когда тот аппарат отнять хотел.

Тишина стала больше, глубже... тяжелее.

– Насчет ледника все же озаботьтесь, – наконец вздохнул отец. Послышалось шарканье ног, и темные силуэты, едва различимые Митей сквозь пляшущее перед глазами горячее марево, стали удаляться. – Я бы хотел побеседовать непосредственно с тем, кто у вас заведует городским сыском.

– Так я веду! – пробормотал полицмейстер. – И вот... сыскарь у меня в подчинении... тут где-то должен быть...

Голоса стихли.

Ледник! Ледник! Медленно, старательно контролируя каждое движение, Митя повернулся к Штольцам. Только не показывать, как ему худо! Светский человек демонстрирует свои страдания, если те изящны, пристойны – ну, или изящно-непристойны! – и могут понравиться дамам. Подлинные страдания следует переживать в одиночестве, не беспокоя других.

– Ежели мы притащили треклятые бутылки, надо их сдать, – сквозь саднящее горло выдавил Митя.

– Извольте не давать моему брату указаний! – немедленно ошетинился Ингвар.

– Как угодно... – Митя коротко кивнул и двинулся прочь по длинному унылому коридору полицейской управы. Каждый шаг давался с трудом, будто он грудью раздвигал горячий воздух. Ожидающие в коридоре просители любопытно косились, даже средних лет девица, заунывно хныкавшая в углу, смолкла и следила за Митей жадными, блестящими то ли от слез, то ли от любопытства глазами.

– Митя, куда вы? – всполошился Свенельд Карлович, но тот лишь торопливо выскочил за дверь.

Во всех полицейских управах, какие ему случалось видеть, – право, лучше б он столько светских гостиных повидал, – мертвецкая была внизу. Лестница попалась почти сразу, и Митя с деловым видом ринулся вниз по ступенькам. Парочка городских уставились ему вслед, но останавливать не стали – Митя не сомневался, что все уже осведомлены, кто он такой, и доложат отцу, куда направился. Ничего, скажет, что заблудился, главное – успеть! Оскальзываясь, по выщербленным ступенькам он почти скатился в полуподвал и заспешил по темному, едва подсвеченному газовой лампой коридору. Забухшая дверь поддалась со скрипом... Железные столы с желобами для стока; на одном кто-то лежал под рогожей. Через весь зал Митя ринулся к незаметной дверце на другом его конце и... едва не застонал от облегчения, когда в лицо дохнуло морозным холодом. Лихорадочно распахивая плащ, он ворвался на ледник, где рядом выстроились еще зимой вырезанные на реке широкие прямоуголь-

ники льда. Промчался по мокрым от таявшего льда решеткам в полу и рухнул на ледяной брус, не глядя, лежит ли кто рядом!

– О да! Кровные Предки, да, да! – простонал он, ворочаясь и потягиваясь на льду, как рождественским утром на мягкой перине. По воспаленной коже наконец-то побежали капли – не пота, а талой воды, – и лютый жар начал спадать. Дрожа всем телом, Митя прижался лбом ко льду – круговерть пестрых горящих колес перед глазами затихала, он ясно увидел бело-голубой скол, тончайшую пленку влаги, покрывающую лед, и... с блаженным вздохом повернулся на бок.

Рядом с ним, на соседнем ледяном бруске, кто-то сидел. Тела на леднике Митя заметил, еще когда врывался внутрь: парочка явных бродяг, утопленник с распухшим лицом... Ложачие мертвецы ему нисколько не мешали – после тесного знакомства с ходячими и даже бегающими. Но мертвец сидячий? Сие уже беспокоило. Медленно, по полдюйма Митя начал поворачивать голову. По-турецки поджатые ноги под черной тканью, острые коленки, тощая рука с кривыми желтыми когтями... С хриплым воплем Митя сорвался с ледяного бруса, едва не впечатавшись с размаху в стену.

Рыжая мара ухмыльнулась, скаля острые клыки, и неожиданно участливо проскрипела:

– Убьешь – легче пойдет. И поиск, и зов, и... еще кой-чего перепадет. Бонусом!

Чем? А, неважно, наверняка жуть какая-нибудь – чего еще ждать от нежити. Митя еще попятился, вжимаясь в мокрую стену подвала. Мара впервые была так близко. На миг он заколебался: все же в поместье Бабайко они дрались вместе. Кровные Предки, о чем он думает: она же нежить! Нежить! Он просто должен попробовать!

– А ежели я не хочу? – вызывающе бросил он, медленно подтягивая из рукава спрятанный под манжетой посеребренный нож.

– Да ладно! – Мара издевательски ощерилась. – Вот хотя бы Лаппо-Данилевского убить – и не хочешь? Еще ка-ак хочешь!

Митя замер, и взгляд его на миг стал мечтательным. Действительно, если Лаппо-Данилевского... и Алешку! Всенепременно!

– И ведь ничего тебе за это не будет! Тебе – можно. Только тебе и можно... – Ее шепот сочился, обволакивал, заворачивая как в теплый платок, добавлял уверенности, гордости, так много уверенности и гордости, что Митя... очнулся.

– Я – не боюсь, – сквозь зубы процедил он. – Я – не хочу! Всего этого! – Широким взмахом ладони он очертил ледник с чинно лежащими мертвецами и позволил ножу соскользнуть в ладонь. – Хочу обычной, уравновешенной жизни светского человека: с конной прогулкой по утрам, обедом у Кюба и клубом или театром по вечерам. Просто оставьте меня в покое! Кровные Предки, разве я много прошу?

Мара странно подвигала плечами: подняла вверх, опустила – похожие на лохматый горб крылья шевельнулись, – и в жутких, как провалы в ничто, ямах ее глаз ему померещилось... сочувствие.

– Когда-то я тоже просила, чтоб меня оставили в покое, – без привычного скрежета в голосе сказала она. – В Ее присутствии⁷.

– И что же? – невольно заинтересовался Митя.

– Стала марой! – каркаяще рассмеялась она. – Хотя... тобой Она довольна. После того как ты с этими местными божками разобрался... Которые на Ее власть над мертвыми посягнули! Правда, мне показалось, что теперь Она еще больше тебя хочет... Но, может, и пожалеет? По-родственному!

Митя насупился. У этой Кровной Родни не в обычае было шадить родичей.

– Просто уйди! Улетай, убирайся из моей жизни, оставь меня... – Рвущееся с языка «в покое» он успел проглотить. – Просто – оставь!

– Не могу! – Мара снова подняла и опустила плечи. – Я обещала твоей матери...

Митя замер, стиснув кулак так, что лезвие вонзилось в ладонь.

– Не... смей... говорить... о... моей... матери!

– Почему? – искренне удивилась мара. – Она как раз хо-

⁷ Историю мары читайте в нашем сборнике «Ведьма и компания. Брачный сезон», рассказ «Рыжая мара».

тела...

– Потому что вы ее забрали! Никогда не прощу! – заорал Митя и бросил нож.

Серебристый клинок свистнул в воздухе, ударил в тощую грудь мара и канул в ее черном одеянии, как в воду булькнул. Митя швырнул второй...

– А-рр-гх! – Прямым с места, даже не распрямляя ног, мара отпрыгнула назад – только черные крылья оглушительно хлопнули да тонко зазвенели сшибленные с потолка мелкие сосульки. Дверь ледника распахнулась, мара вынесло в мертвецкую, и она приземлилась прямым на лежащее на столе тело.

Тело хрипло заорало, колотя во все стороны руками и ногами. Мара взвилась в воздух, визжа, как перепуганная девочка.

Митя, ворвавшийся в мертвецкую со второй парой серебряных клинков, на мгновение замер...

Рогожа слетела с тела... и вполне живой и подвижный господин лет двадцати пяти скатился со стола. Крутанулся волчком, изготавливаясь к обороне. Пронзительно взвизгнувшая мара ринулась на него, выставив когти...

Пестрый клубок под столом стремительно развернулся, и навстречу маре выметнулась лесная рысь, когтями вцепилась в край черного одеяния, вопя так жутко и гадостно, что у Мити зубы засвербели. Мара крутанулась в воздухе, крылом ударила рысь по голове, отбрасывая в сторону, – зверю-

гу впечатало в стену, и та медленно сползла вниз. Мара рванулась к неожиданному обидчику и схватила за горло.

– Мораныч... – прохрипел тот. – Уйми свою тварь!

– Он не Мораныч-ш-ш-ш! – Оскаленная мара дохнула ему в лицо зловонием разрытой земли, заставляя беднягу зажмуриться. – Он не может!

– Брось его! Хватит! – Митя кинулся к ним...

Мара шумно хлопнула крыльями, поднимаясь в воздух и удерживая добычу на вытянутой руке. Ноги господина отчаянно дернулись в воздухе, лицо мара страшно исказилось, она зашипела и швырнула свою жертву Мите под ноги.

– На! – Взмыла выше, запустила когтистую лапу себе в грудь и... выудила брошенный нож.

Дзанг! Нож звякнул об пол у самых Митиных сапог. Мара презрительно скривилась, неожиданно звучным, совершенно девчоночьим голосом бросила: «Дурак!» – и сиганула напрямик в низкое подвальное окошко. Зазвенело стекло, мара черным туманом просочилась меж старыми, облупившимися рамами... и пропала. Только пара черных перышек закружились в воздухе, тихо спланировали на пол и растаяли темной дымкой.

В углу пронзительно взвыло, и на Митю ринулась разъяренная рысь.

– Стоять! Раиска! Назад! – Господин бесстрашно перехватил зверюгу за шкуру.

С губ господина сорвался рык, лицо его дрогнуло, на крат-

чайший, едва уловимый миг приняв жуткое сходство с собачьей мордой, за спиной взметнулись призрачные крылья... и тут же пропали. Зато атакующая рысь рухнула на пол, не долетев до Мити какой-то четверти дюйма, и свернулась клубком у ног, подвывая, как от боли. Господин склонился над ней, укоризненно цокая языком, с неожиданной для довольно изящной фигуры силой подхватил ее на руки и принялся успокаивающе почесывать за ухом, как простого кота.

– Что вы здесь делаете, сударь мой Симарглыч? – стараясь успокоить заполошно колотящееся сердце, процедил Митя.

– Не поверите – отсыпаюсь. Важное начальство изволит вскорости пожаловать, так вовсе замучили. А здесь авось искать не догадаются, – продолжая почесывать рысь, усмехнулся господин и отвесил по-гвардейски четкий поклон: – Петр Николаевич, седьмой княжич Урусов, из младшей, ярославской ветви. – После недолгой паузы пояснил: – Сыскарь здешний, по делам уголовным. – И, едва заметно покраснев скулами, с некоторым даже вызовом бросил: – Сами разумеете, раз княжич, то малокровный, на полный титул Кровной Силы имею недостаточно. Это глава рода у нас, ежели захочет, и белок в лесу маршировать заставит. А я так, по мелочи: собаку на след направить, птичьими глазами сверху поглядеть... для городского розыска хватает, на большее не претендую! – Урусов гордо вскинул голову. Не дождался от Мити никакой особой реакции и ощутимо расслабился. – Ну а вы, юный Мораныч? Мара в подчинении, это... весьма,

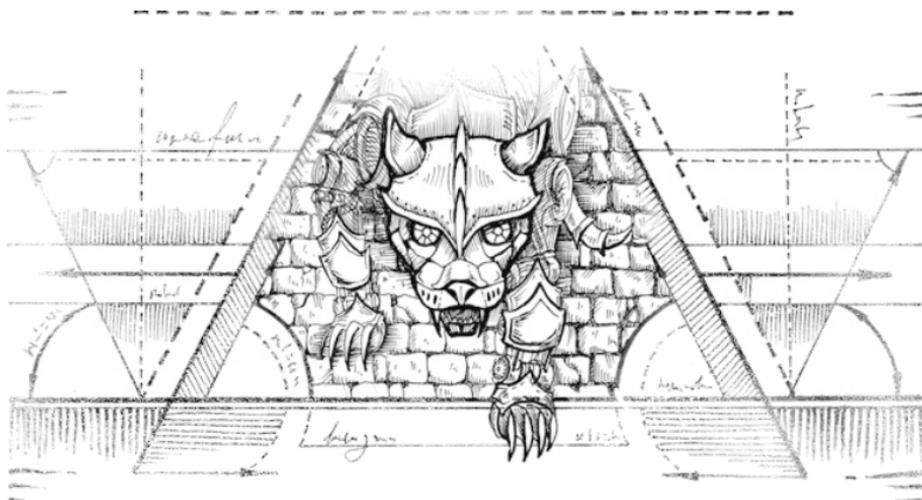
весьма сильно! Тем паче в таком возрасте... Только что вы здесь делали? – Он кивнул на лежащие на соседних столах трупы.

– Вы не поверите, – в тон ему откликнулся Митя. – Прохлаждаюсь. – И принялся оправлять одежду, попутно пряча клинки за пояс и в рукава. – Только я не Мораныч.

Глава 7

Губернский департамент

– Не Мораныч, однако мара вас слушается. – Урусов недобро сощурился. – Шутить изволите над малокровным? Забавляться?

– Да если бы она меня слушалась!

«Духу б ее нечистого рядом со мной не было!»

Митя даже руку к груди прижал – еще недоставало со здешней Кровной Знатью рассориться, пусть даже это малокровный княжич, занятый недостойным его Крови делом.

Мысль о том, что его отец занят тем же делом, как всегда,

вызвала глухое раздражение.

– Матушка, Царство ей Небесное, была из Кровных, княжна Белозерская, а батюшка... из дворян.

Какое счастье, что можно теперь хоть так сказать, пару лет назад приходилось и вовсе краснеть, что из дворян личных, а значит, по происхождению и вовсе мещанин.

– Полукровок не бывает, – кажется, еще не вполне веря, буркнул Урусов. – Предки или благословили, пусть даже малой Кровью, или нет.

Митя бы еще поспорил, благословение то или проклятие, но с Кровными не спорят... даже с такими вот потрепанными. Он мазнул взглядом по дорогим, но изрядно грязным и поношенным ботинкам княжича, брошенным под столом мертвецкой. Урусов смущенно переступил ногами в шелковых носках. Надо признать, весьма изысканных.

– Местная фабрика, – вызывающе объявил он.

Взгляд Мити стал заинтересованным.

– Простите мое любопытство, княжич. У меня в дороге весь гардероб... пострадал. – Митя поднял глаза на строгие брюки недурного сукна.

– Петербургский? – протянул Урусов. – Эк вас угораздило! – Подумал еще мгновение и вытащил из кармана визитную карточку.

– Одежда Альшванга? – слегка ошарашенно прочитал Митя.

– Старый Исакович тот еще пройдоха, но, если к нему пра-

вильно подойти, составит вам гардероб. Не петербургский, но за берлинский, случалось, выдавали. Да и из пострадавшего, глядишь, что спасти удастся. – Видно, физиономия у Мити была исполнена сомнения, потому что Урусов энергично кивнул. – Большой умелец, за то и бережем! Вот отгремят страсти по поводу нового начальства, свожу вас туда.

– Вы не представляете, что для меня значит ваше любезное предложение, Петр Николаевич! – прижимая карточку к груди, выдохнул Митя.

Видно было, что искренний Митин порыв развеял остатки недовольства, княжич осторожно улыбнулся:

– наших в городе немного: целители Живичи да пара водников Данычей при днепровских порогах состоят, переход обеспечивают. Ну и, конечно, сам губернатор, Дурново Иван Николаевич, из Велесовичей. Говорят, на Брянский завод Сварожичи приедут, но тут я, воля ваша, не верю – чтоб Кровные, какие ни на есть, служили капиталу, а не царю и Отечеству... нет, не верю! Так что как не помочь кровному собрату Моранычу.

– Я не Мораныч! – вскричал расстроенный Митя.

– Который почему-то говорит, что это не так, – согласился Урусов и покосился на Митю с почти детским любопытством.

За дверью мертвецкой слышались шаги и приглушенные голоса.

– Не понимаю, зачем вы поехали его встречать? Договари-

вались же, чтоб господин коллегии советник сам к нам явился! Невелика цаца! – донесся раздраженный басок полицмейстера.

– Невелика, – насмешливо согласился ротмистр. – Всего лишь к государю вхож и в родне сплошь Кровные – сенаторы да губернаторы. Как угодно, господа, а я предпочитаю с Аркадием Валерьяновичем поладить.

– Вот и будет он распоряжаться в вашем ведомстве, как в своем кабинете. А меня увольте-с, и без пришлых начальствующих разберемся. Указывать он мне будет! Медведя ему лови!

Лицо Урусова приобрело забавно-растерянное выражение.

– Где Урусов? – почти взвизгнул за дверью полицмейстер. – Где этот малокровный?

Митя почувствовал, как у него лицо вытягивается. В здешней провинции вовсе страх Предков потеряли? Сказать такое... о Кровном? Под Закон об оскорблении Древней Крови, конечно, не подпадает, а вот под мстительный характер Кровных Внуков – вполне!

Лицо Урусова стало весьма неприятным.

– Пошлите к нему на квартиру, передайте: нечего штаны пролеживать! – продолжал бушевать полицмейстер. – Пускай вынюхает, что за зверь тех троих подрал, а то ишь! В деревне господин Меркулов себе дело нашел и тут собирается нас учить?

Княжич недобро покосился на закрытую дверь, коротко кивнул Мите и, прихватив штиблеты, запрыгнул обратно на жестяной стол. Рысь по имени Раиска понимающе втянулась под стол. Митя с серьезным лицом укрыл Урусова рогожей.

Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге явился полицмейстер во всей разъяренной красе: лицо красное, бакенбарды торчком, борода, как у нового государя, на две стороны ласточкиными хвостами...

– Вы кто такой? Откуда тут?

Митя невозмутимо указал на ледник.

– Что вы там делали?

«Если я отвечу – лежал, он примет меня за поднявшийся труп?» – мелькнула мысль. Искушение было почти непреодолимым, но светский человек не создает себе врагов на пустом месте.

– Прошу прощения... – любезно начал Митя. – Я искал, кому сдать груз безакцизной водки, и, кажется, ошибся лестницей.

– А увидав столы с мертвяками, ничего лучше не придумали, как полезть на ледник – где их еще больше? – подозрительно прищурился полицмейстер.

– Наверяд этого юношу напугают мертвые. – Из коридора в мертвецкую заглянул ротмистр. Ободряюще улыбнулся. – Пойдемте, Дмитрий Аркадьевич, я вам склад покажу, там и разгрузитесь.

Митя благодарно улыбнулся в ответ, шагнул к выходу...

– Ага! – торжествующе вскричал полицмейстер, даже не думая отступить от прохода. – Тот самый, который трупы на расстоянии чует? Не расскажете, как у вас такое вышло?

Рогожа на затаившемся Урусове едва заметно шевельнулась. Митя подавил желание прикусить губу – светский человек не показывает, что нервничает. Что отвечать, он не знал. Полицмейстера не опасался, но... тот же вопрос задаст отец.

– Запах... – наконец промямлил он.

– Унюхали за две улицы? – В глазах полицмейстера мелькнуло странное выражение. Насмешливое? Или торжествующее?

– Вы подозреваете моего сына, Ждан Геннадьевич? – вкрадчиво поинтересовались из коридора.

Полицмейстер нервно обернулся:

– Как можно-с! Просто любопытствую... Любопытство в нашем деле вещь полезная.

– Главное, чтоб дело тоже было... а не одно лишь любопытство. – Отец заглянул внутрь мертвецкой и неожиданно мягко сказал. – Езжай-ка ты отдыхать, Митя! День был тяжелый.

– Э-э... Мы тут ключи от казенной квартиры приготовили, – радостно улыбаясь, полицмейстер вытащил связку. – Городовой вас проводит.

Умение держать лицо Мите сейчас ох как пригодилось! Потому что при одном взгляде на проржавевшую и даже изрядно позеленевшую связку захотелось взвить как оборо-

ть на луну. Опять руины?

– Благодарю вас, но мой управляющий уже снял нам дом.

Снова пришлось держаться – на сей раз чтоб скрыть облегченный вздох.

– А от вас, Ждан Геннадьевич, я жду ключи от моего кабинета. Надеюсь, он с приемной? – вкрадчиво поинтересовался отец.

– Но... мы не подготовили! – вскричал полицмейстер.

Отец помолчал, подождал. Молчание в ответ. Полицмейстер тоже изо всех сил пытался сохранить невозмутимую мину.

«Дилетант! Никакой светской выучки», – презрительно подумал Митя, изучая алые пятна, проступившие у полицмейстера на лбу и щеках. Полицмейстер дернул усом и покосился на Митю недобро.

– Ну что ж... По крайности, казенный кабинет хотя бы не хуже квартиры. Как может быть лучше или хуже то, чего попросту нет? Вероятно, любезнейший Ждан Геннадьевич полагал, что губернский департамент разместится в чулане под лестницей. – В голосе отца было столько ядовитого смирения, что полицмейстер сперва покраснел, потом побледнел... Поглядеть – не позеленеет ли? – Мите не дали.

– Пойдем, провожу тебя до выхода, – кивнул отец и с угрозой в голосе добавил: – И вернусь.

Одарив полицмейстера многообещающим взглядом, он двинулся к выходу. Митя пристроился следом. За спиной у

них немедленно образовалась некая суэта – очень хотелось оглянуться, но не мог же Митя испортить столь эффектный уход.

Они прошли всю полицейскую управу – в коридорах кипела жизнь, бессмысленная и беспорядочная. Хлопали двери, из одной выскочил полицейский пристав с папкой бумаг, увидел отца и запрыгнул обратно – часть бумаг разлетелась по коридору. Из другой высунулся секретарь – и тут же спрятался. Двери приоткрывались и захлопывались, как створки испуганных моллюсков, опережая шагающего отца. По коридорам управы катился шорох, затихал, стоило отцу поравняться с очередной дверью, и возобновлялся за спиной.

Митя шел и ждал, когда отец спросит, как он узнал про трупы, но отец все молчал, только косился изредка. Дежурный городской почтительно распахнул дубовую дверь – свет неожиданно больно резанул по глазам, Митя покачнулся и почувствовал, как отец подхватил его под локоть.

– Он... постарается тебя выжить! Полицмейстер... – смущенно пробормотал Митя.

– Не допустить, чтоб я и правда тут начальствовал, – с некоторым даже удовольствием возразил отец. – Лишить подлинного влияния на дела службы в губернии. – И после недолгого молчания добавил: – Они все этого желают. Просто господа из жандармской, железнодорожной и порубежной служб несколько умнее. Но и выживать будут, не без того... – Глаза его азартно блеснули.

Таким вот... хищным Митя видал отца только когда тот служил в Москве. Потом, в Петербурге, он просто перестал заглядывать к нему на службу. Не comme il faut светскому человеку интересоваться всякими мазуриками.

Они еще постояли на крыльце, глядя, как троица нижних чинов таскает из кузова паротелеги ящики с бабайковской водкой. Крутившийся рядом пристав украдкой сунул бутылку в карман галифе. Для собственного удовольствия или к полицмейстеру понесет, на освидетельствование?

– По крайности, сегодня на меня донос не напишут, – провозжая эту бутылку взглядом, хмыкнул отец.

Митя смутился: а ведь и впрямь, окажись там вода, написали бы сразу же.

– Здешний сыскарь – из Кровных, Симарглыч, княжич Урусов... не слишком жалуется полицмейстера. Особливо с сегодняшнего дня... Ты только сразу его не ищи, пусть отоспится.

Брови отца дрогнули, а лицо озарилось улыбкой.

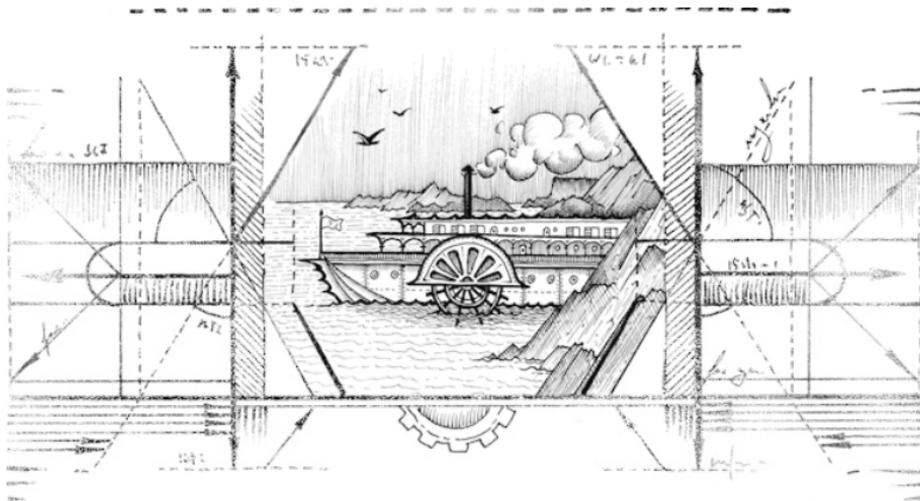
– Спасибо, сын... – Он неловко, будто украдкой коснулся Митино плеча. – Ну... ступай домой... Свенельд Карлович проводит, и... – он лукаво усмехнулся, – уверен, тебе понравится сюрприз! Меня рано не ждите, я тут... пока не опомнились... – Отец потянул тяжелую створку и, уже ступая в проем, оглянулся: – Может быть, потом... мне... ты все же ответишь на вопрос, что задал полицмейстер? – и скрылся за тяжело ахнувшей дверью.

Митя принялся медленно спускаться с крыльца. Глупо рассчитывать, что отец разрешит отмолчаться. Надо придумать ответ... умный. Потом. Когда доберется до нового дома. Сейчас все силы уходили на то, чтобы под устремленными на него взглядами провинциалов держаться в седле как подобает: прямо, не сворачиваясь в комок. И двигать рычагами, а не засыпать, норовя ткнуться в них носом.

Глава 8

Снова дом, немилый дом

Вслед за паротелегой Митин автоматон проследовал на центральный проспект. Открывшееся зрелище даже ненадолго подбодрило. Мостовая на проспекте, прозванном Екатерининским, оказалась неожиданно изрядной – плоские, подогнанные друг к другу булыжники. Паротелега лавировала меж телегами простыми, фырча паром и подпрыгивая на стыках. Ржали лошади, кучера колясок грозились вслед кнутами. «Все же колесная конструкция изначально ущербна», – думал Митя, когда его пароконь, мягко шипя, пе-

реставлял литые копыта, а седло лишь едва покачивалось, как колыбель младенца. Митя ловил восторженные взгляды мальчишек в гимназической форме, и держать осанку стало почти легко. Перед глазами только плыло иногда.

Митя подогнал автоматон и, не обращая внимания на хмурые взгляды Ингвара, поехал рядом с паротелегой.

– Там строится Горное училище! – перекрывая фырчание двигателя, прокричал Свенельд Карлович, указывая на «пеньки» стен перед монументом Ея Императорскому Величеству Екатерине II Одинсдоттир.

Проспект весь напоминал строительную площадку. Митя хотел бы скривиться, но живая суета, перекличка сотен голосов – далеко не все на русском – невольно сообщали чувство приподнятости. К окнам магазина под вывеской «Вънскій шікъ» приникло несколько разновозрастных дам и девиц. Завидев Митю, все они смолкли, а потом снова зашептались, теперь уже не сводя глаз с приближающегося автоматона. Копыта пароконя звонко стучат по брусчатке, профиль всадника чеканен и неподвижен... Глаза пришлось скосить так, что еще чуть-чуть – и черепную коробку изнутри разглядит. Очаровательные, почти парижские шляпки дружно повернулись ему вслед. Среди девиц были прехорошенькие! Ингвар фыркнул так, что заглушил мотор паротелеги, и посмотрел на Митю неодобрительно.

Из следующей лавки пахло пряным табачным запахом, а в витрине... в витрине «Депо табаку» вычурно одетый ко-

ричневый арапчонок – ростом с локоть – деловито скручивал, обрезал и раскуривал сигару, задумчиво пуская кольца к потолку.

– Голем, – улыбнулся Свенельд Карлович. – Только маленький. Раввин Холмский, главный каббалист Полякова, выдал младшую дочь за сына Фельдмана. Големчик – из ее приданого. Говорят, доход лавки вырос вдвое.

Митя уже хотел попросить управляющего объясниться, но на горизонте задвигалось, он поднял взгляд... да так и замер, вцепившись в рычаги автомата и ошарашенно запрокинув голову.

Над невысокими домами проспекта торчали недостроенные башни, похожие на башенки боярского терема. А над ними, превосходя каждую на голову, двигались громадные фигуры. Именно что на голову – на огромные, круглые глиняные головы, с грубо выдавленными ямами глаз и провалом рта! С похожими на бублики круглыми ушами! В трещинах, точно пересохшее тесто!

– Вокзал строится. Поляков, Самуил Соломонович, харьковский железнодорожный подрядчик, – Свенельд Карлович встал на облучке телеги, – тянет чугунок Курск – Харьков – Азов... ну и за нашу, Екатерининскую, ветку тоже взялся. Его глиняные големы вполне способны шпалы класть, а обходятся раз в сто дешевле пароботов и впятеро в сравнении с живыми рабочими.

– Истукан глиняный жрать не хочет и дети у него не пла-

чут! – произнес рядом ненавидящий голос. – Жидовня поганая, трудовой народ работы лишают!

Тощий, как селедка, мужичок в замызганном пиджаке и картузе с обломанным лаковым козырьком прошагал мимо, злобно зыркнув на Митю. Догнал бредущего по улице старого еврея в лапсердаке и вдруг, специально свернув, с силой ткнул того локтем. Зажатая под мышкой у старика книга ляпнулась на мостовую. Кряхтя и охая, старик опустился на колени и, тихо причитая, принялся отряхивать с обложки грязь. Злобно расхохотавшийся мужичок исчез в толпе.

– Каббалисты поднимают големов только для Полякова, что, к сожалению, вызывает неприязнь у малообразованных слоев... – отводя взгляд от этой неприглядной сцены, проворчал Свенельд Карлович.

«А еще больше у тех подрядчиков, что големов не имеют», – подумал Митя.

– Но поедемте уже, тут недалеко! – с деланой веселостью вскричал Свенельд Карлович, взмахом руки указывая в проулок. – Рядом пожарная часть и самый большой полицейский участок, Тюремный замок неподалеку... Аркадий Валерьянович при случае и отобедать домой заезжать сможет. Были и другие дома с выгодным местоположением: на другой оконечности проспекта, рядом с лагерями уланского полка.

– Где Петр Шабельский служит? – заинтересовался Митя. Свенельд Карлович поморщился, кивнул и снова перевел

разговор на дом:

– Дом с полной обстановкой, даже с посудой, состояние весьма недурственное, разве что ограда низковата. У вас ведь и автоматы на заднем дворе будут содержаться, и сейф в кабинете Аркадий Валерьянович наверняка пожелает. Пришлось ограду немного поднять, ну да кирпич у нас свой...

Оба – и Свенельд, и Митя – криво улыбнулись. Куда только они этот «свой» кирпич не применяли! Вот разве что продать никак не могли.

– Зато у дома есть огромное преимущество! – Штольц свесился с облучка и заговорщицки прошептал: – На верхнем, господском, этаже – две ваннные комнаты.

Митя приподнял брови – и что? Помещение для мытья даже в поместье Шабельских было – рядом с кухней, чтоб недалеко воду носить.

– Две ваннные комнаты... подключенные к водопроводу!

– Что? – дрогнувшим голосом переспросил Митя. Такое не во всех петербургских домах бывало, а тут...

– С бунзеновскими нагревательными колонками. И внизу еще отдельная помывочная для прислуги!

– Что? – только и смог повторить Митя. Это и есть сюрприз, о котором говорил отец? Да это же... потрясающе! Он решительно рванул рычаги автомата.

Средних размеров особнячок красовался на углу Тюремной площади – по другую сторону возвышалась мрачная

громада тюрьмы, позади нее торчала пожарная колокольня. Но Митя смотрел только на особняк. Ясно было, что душа Свенельда Карловича, истинного дитяти Одина, сразу же прикипела к этому дому: аккуратный особнячок под красной черепицей точно перенесся сюда из центра Берлина или Мюнхена. Жестом фокусника, вынимающего из шляпы кролика, Свенельд Карлович вытащил связку ключей. Ингвар заглушил паровой двигатель, а его брат с ключом наперевес двинулся к добротным железным воротам. И вдруг остановился, ошеломленно глядя на пустые скобы замка.

– Здесь был замок! – вскричал он и резко толкнул створку. Та качнулась и не открылась, лишь резко лязгнула, точно изнутри был заложен засов.

– Ничего не понимаю! – Свенельд Карлович раздраженно потряс створку.

От чувства острейшего *déjà vu* у Мити аж стало больно в груди. Вот так же точно они с отцом приехали к их собственному запертому на все замки имению! В окно дома он больше не полезет – ни за что! Прошлого раза довольно.

– Эй! Кто там озорует? – раздался раздраженный окрик.

Дубовая дверь распахнулась, и на порог выскочил мужичонка с двустволкой. Оглядел Митю на автомате, братьев Штольц рядом с паротелегой и насупился.

– Никак, адресом ошиблись, господа хорошие? Вот и езжайте, куда вам надоть, а ворота не трожьте, не то стрелью! – Мужичонка потянул за ручку, намереваясь захлопнуть

дверь.

– Любезнейший! – торопливо окликнул его Свенельд Карлович. – Вы кто такой?

– Так сторож я здешний! – деловито, как муравей гусеницу, волоча дверь на себя, пропыхтел мужичок.

– Я вас не нанимал!

– Дык и я вас в первый раз в жизни вижу, барин! – без особой почтительности хмыкнул мужик и захлопнул за собой дверь.

В два длинных шага Свенельд Карлович оказался возле двери, дернул, потянул из связки другой ключ, снова растерянно уставился на дверь и принялся ковыряться во врезном замке. Ключ не влезал.

– А ну, идите отсюда! – Смотровое окошко над дверью распахнулось, и там заворчалось дуло ружья – то ли грозясь выстрелить, то ли просто норовя постучать Свенельду Карловичу по голове. – Пьяные, что ли? Ща хозяйку покличу, а она – городских!

– Какую еще хозяйку! – Свенельд Карлович беспомощно поглядел на Митю. – Хозяин...

– А, вот чего! – Мужичок явно обрадовался. – Ежели вам старый хозяин надоть, так опоздали вы, господа хорошие. В заграницы он отъехал, а дом сдал. Теперича туточки хозяйка наша.

– И вы сменили замки! – глядя то на связку, то на так и не открывшийся замок, выпалил Свенельд Карлович.

– Знамо дело, сменили! Два дня, почитай, на то убил, – кивнул сторож. И пробормотал: – А то явятся какие друзьяки старого хозяина, а тут наша хозяйка как есть одна... Не дело. – И строго посмотрел на Свенельда Карловича.

– Кажется, вас обманули, Свенельд Карлович, – с коротким смешком выдал Митя. – Может, нам все же стоило согласиться на ключи от казенной квартиры?

– Брата никто не обманывал! – выпалил Ингвар. – Это вы всех подозреваете, потому что сами...

– Ингвар, подожди! Владелец – порядочный господин и не мог сдать дом двоим сразу! Послушайте, милейший... – Штольц обернулся к сторожу. – Не знаю, что у вас за хозяйка, но здесь ныне проживает начальник губернского департамента полиции, коллежский советник Аркадий Валерьянович Меркулов с семейством.

– Верно, барин, баете – он и проживает! – неожиданно согласился сторож. – Потому хозяйка и велела замки поменять, а то мало у кого ключи-то остались? Вот хоть у вас, барин, а вы-то вовсе неизвестно кто такой!

– Я управляющий господина Меркулова! – уже заорал Штольц, спугнув волокущую короб с пирогами разносчицу.

– А я – сын. – Митя кончиком пальца отвел в сторону ружейное дуло: он слишком хотел в одну из двух ваннных комнат и спать! В седле автоматона он был почти вровень с окошком.

Растерянный мужик запустил обе пятерни в редкую ше-

велюру и принялся почесываться.

– Открывай немедленно, прежде чем я не вынес тут и дверь, и окна! – И Митя дернул рычагом, заставив автоматон вздернуть голову и выпустить две струи пара напрямиком в окошко.

Мужик заорал, шарахнулся, за дверью загрохотало, будто он там рухнул.

– Городовому засвищу! У меня и свисток есть! – глухо, как из погребца, донесся сквозь окошко хнычущий голос.

– Не успеешь – я сам позову! – рявкнул Митя – под кожей снова начал глухо тлеть противный мутный жар. – В тюрьму тебя брать, за захват чужого дома! Тут и идти недалече!

Второй раз он так отчаянно хочет мыться и спать, а его не пускают! Сперва в имении, теперь в городе. Здешние места, сдается, жаждут от него избавиться. Только не выйдет! Одно дело не хотеть сюда самому, но чтоб какая-то провинция просто-таки выживала его прочь? Нет уж!

– Не захватчик я! Сторож! Я... хозяйку позову! – Стало слышно, как мужичок затопотал прочь.

– Еще сегодня утром я был уверен, что мой отец не женат, – выдавил Митя.

– Вы ему тоже не про все свои... художества сообщаете, – ехидно протянул Ингвар.

В соседнем доме негромко брякнула ставня, и мелькнул чей-то блестящий глаз. Соседи изволили любопытствовать.

Изнутри загремел засов – и когда только успели заложить? – и дверь медленно, со скрипом отворилась. Столь же

медленно, стараясь сохранять достоинство, Митя выбрался из седла, переглянулся со Свенельдом Карловичем и ступил внутрь.

Сумрак обрушился влажной после сна подушкой. Тускло и зловеще мерцала бронзовая рама высокого зеркала – своего отражения Митя не увидел, стекло затянуло мутной пленкой. Пахло сыростью и нежилыми комнатами, запах был слегка разбавлен терпким ароматом уксуса и каких-то трав. Митя резко обернулся... В боковом коридоре мелькнула фигура в сером: девушка в форме горничной посмотрела на него с откровенным ужасом и пропала, канув в сумрак. Митя шагнул вперед – ковровая дорожка мягко подалась под ногой, будто прикидывающееся лугом болото. Мите даже слышалось чавканье – еще шаг, и... бульк! Дорожка проглотит его, точно и не было никогда. Он судорожно перевел дух, заставляя себя сделать этот шаг, потом второй и третий...

Дубовая дверь с грохотом захлопнулась, отрезая его и Свенельда Карловича от людной площади и автоматов.

На ниспадающей, точно мраморный водопад, лестнице возникла темная человеческая фигура. Тонкая рука без единого кольца легла на прихотливый изгиб перил, и женщина бесшумно поплыла вниз – подол длинного платья скользил по ступеням. Из сумрака медленно проявлялся высокий лоб, собранные в строгий пучок светло-русые волосы, темные провалы глаз и нитка сжатых губ...

– Вш-ш-ш-ш! – Воздух с едва слышным свистом вырвал-

ся меж плотно стиснутыми Митиными зубами. Ярость, алая, как кровь, и острая, как посеребренный нож на нежить, вскипела в груди, комом стала в горле и поднялась до глаз.

Он стоял на пороге собственного дома как... проситель, бродяга, под любопытными взглядами соседей переругиваясь с наглым мужиком из-за... из-за...

– Зс-с-с-сдравствуйте, тетушшшшка! – из последних сил сохраняя хотя бы видимость спокойствия, прошипел он. – Вы вообще не изменились за три года, что мы не виделись. Чем обязаны?

– Здравствуй, Дмитрий! – выходя под падающий из витражного окна тусклый свет, холодно ответила женщина. Была она высока и не столько стройна, сколько сухопара. У строго поджатого рта залегли две глубокие морщины. – Твой отец очень просил, и я согласилась приехать. Уж не предполагал ли ты, что он сам станет заниматься домом?

– Он мне ничего не говорил! – вскричал Митя и поперхнулся. Отец ведь не обещал, что сюрприз будет приятный! Ну, батюшка...

– Он и не обязан тебе отчетом, мальчик! – насмешливо бросила тетушка, а Митя возблагодарил Предков, что Ингвар остался с автоматом.

– А где же... кухня? – Митя огляделся: ему смутно помнился эдакий пучок лент на тоненьких ножках – у тетушки была дочь. Имени не помнилось вовсе.

– Ниночка в своей комнате.

Ne serait-ce pas charmant?⁸ – как говаривал младший князь Волконский. Он, законный хозяин, еще в дом не попал, а у кузины Ниночки тут уже своя комната!

– Прячется, бедняжка? – с деланой озабоченностью спросил он.

– Ну почему же... – слегка растерялась тетушка.

– Что-то же заставило вас, милая тетушка, посреди губернского города, в квартале от полицейского участка, сесть в доме, как в осаде. Даже замки сменить озаботились. Как отец-то в дом попадет? Он сказал, что поздно вернется.

– Антипка откроет, – процедила тетушка.

– Или вызовет отцовских городских гнать отца прочь. Вот как нам грозился. Ах да, где же мои манеры! Дорогая тетушка, позвольте представить вам человека, едва не поседевшего от вашей милой... гхм... шутки с замками... Наш управляющий имением, Свенельд Карлович Штольц. А это тетушка моя, отцовская старшая сестрица, Людмила Валерьяновна, в замужестве Фомина, вдова титулярного советника. Из Ярославля.

Свенельд Карлович поклонился, тетушка же даже не кивнула, лишь сильнее поджала и без того тонкие губы.

– На улице еще имеется Ингвар, автоматы караулит. Так что, может, brave Антипка уже откроет ворота, а горничная приготовит комнаты для господ Штольц? А мне – ванну!

Сторож дернулся было и тут же замер, пригвожденный к

⁸ Ну разве не прелестно? (Фр.)

месту тетушкиным взглядом.

– Брат ни о чем таком меня не предупреждал! – процедила она.

– О чем не предупреждал, тетушка? Что с дороги... – «И после визита в залитый кровью дом», – мысленно добавил Митя. Собственное тело казалось грязным и липким, точно покрытым коркой засохшей крови, а за шиворот будто натрясли муравьев, и теперь они ползали под одеждой, оставляя болезненные следы крохотных лапок. – ...Следует принимать ванну? Так о таком предупреждать не надо, чистота – важнейшее условие обхождения приличного человека.

– Что у нас гости!

– Наверное, потому, что у нас вовсе не гости? Свенельд Карлович часто станет наезжать по делам, а Ингвар и вовсе будет здесь жить.

Да сколько же можно! Митя поглядел на тетушку с раздражением. Еще и голова кружиться начала, и снова в жар кинуло.

– Без прямого распоряжения Аркадия я не могу поселить в доме каких-то... неизвестных!

– Вы собираетесь держать господ Штольц в гостиной до приезда отца? – с совершенно искренним недоверием – как тетушка себе сие представляет? – спросил Митя.

– Конечно же, нет! Господам придется вернуться, когда Аркадий Валерьянович будет дома, – твердо, словно налагая печать, объявила тетушка. – Но если он будет поздно, то

лучше завтра.

Митя похолодел, боясь глянуть на Свенельда Карловича. Он и сам был отнюдь не рад, что Ингвар поселится с ними, но...

– Господин Штольц имеет законное право на место у очага своего ярла, – вскидывая голову, как это делал великий князь Николай Михайлович, и глядя на тетушку тем самым отлично запомнившимся ему взглядом истинного Дажьбожича на мерзкую тлю, отчеканил Митя. – Оскорбляя его... надеюсь, что по незнанию и недопониманию... вы бесчестите отца!

К великокняжеским взорам тетушка оказалась гораздо устойчивее самого Мити. Или у него просто взгляд не вышел?

– Мне не известно ни о каких... правах! – нагибая голову, точно готовая бодаться коза, упрямо объявила она и даже слегка присела, будто готова была раскорячиться поперек лестницы, но не допустить их внутрь.

– Я вам только что сообщил! – Голос у Мити зазвенел, он с ужасом понял, что еще чуть-чуть, и голос просто сорвется, даст мальчишеского петуха.

– Неужто ты думаешь, я стану менять решение... из-за твоих слов? – ударила тетушка... и улыбнулась уже с открытым торжеством.

Мите показалось, что его шарахнули тяжелым по голове. Отец. Принявший клятву дружинника и давший ответ-

ную клятву ярла. И не сумевший ее исполнить. Митя зажмурился, вдруг представив: петербургский салон, блеск эполет, трепет вееров... «Вы слышали? Этот полицейский, что осмелился обвинить великого князя в воровстве, вовсе честь потерял! Отказал в ночлеге человеку, давшему ему дружинную клятву!» – «Ах, не смешите! Какая честь у подобных господ, откуда?»

И лицо слышащей все это бабушки-княгини каменеет.

И кому потом объяснишь, что это все тетушка? Та, которая из Ярославля.

Митя понял, что сейчас убьет эту женщину, походя и небрежно втаптывающую их с отцом честь в грязь. Убьет особенно страшно за то, что в ее жилах течет общая с ними кровь.

Митя медленно-медленно поднял глаза. Его сердце колотилось судорожно и рвано: тыдых-тыдых-тыдых! И, словно подстраиваясь в такт, мелко и часто забила жилка под воротом теткиного платья. Митя не видел ее, но чуял биение, нервный, обреченный ток крови: сама тетка еще ничего не понимала, но кровь... ее кровь... Ведь это так легко! Шаг... Две ступеньки. Удар собранными щепотью пальцами, вминающими ткань платья в ключичную ямку. И легко, как нитку – дзанг! – перервать артерию. Фонтан крови, бьющий в потолок, разукрашивающий алыми узорами стены и лестницу. Тетушка еще успеет понять – быстро, в одно мгновение. Возможно, не успеет поверить. И завалится на спину, как опро-

кинутая кукла, и багряной дорожкой кровавый поток потечет со ступени на ступень...

А стены с потолком потом и побелить можно.

– Митя! Митя! – сквозь гул в ушах до него донесся крик, и его схватили за плечо.

Митя вздрогнул, споткнулся о нижнюю ступеньку, вдруг поняв, что стоит уже у самой лестницы, и обернулся. Меж пляшущими в глазах кровавыми колесами с трудом разглядел белое как мел лицо Свенельда Карловича.

– Митя... Не надо, – почти прошептал управляющий, с откровенным ужасом вглядываясь Мите в лицо. И что он там такого увидел?

– Что – не надо? – голосом тяжелым и гулким, будто не своим, переспросил Митя.

– Ничего не надо. Что бы вы ни хотели сделать... или сказать... Я вовсе не собираюсь оскорбляться этим... явным недоразумением...

Словно сквозь туман пробилась мысль: «Тетушка – недоразумение. Явное».

– Мы с Ингваром сейчас поедem, найдем Аркадия Валерьяновича...

Митя с трудом мотнул головой – его повело в сторону, так что пришлось вцепиться в перила:

– Не... сейчас. Он там... господину полицмейстеру объясняет, кто ныне в губернской полиции власть.

А тут явится его первый и единственный хирдманн... ко-

торого сестра признанного ярла не пустила в дом. Там ведь еще жандармский ротмистр. И казацкий старшина. И кровный княжич Урусов, который может оказаться на стороне отца... Но после такого попрания древних обычаев и законов – вряд ли.

Отец, конечно, сам виноват, что выписал сюда эту... женщину-сюрприз. И до отцовской карьеры Мите дела нет. Но даже в здешней провинции лучше быть сыном влиятельного чиновника, чем... безгласной фигуры, которой пренебрегают собственные подчиненные. А потому... придется отца спасти! Больше-то некому. Митя слабо улыбнулся:

– Благодарю вас, Свенельд Карлович! Мы не станем беспокоить отца на службе. Мы просто все трое поедем в какой-нибудь отель, и я сниму нам номера.

Бабушкиного презента должно хватить. Денег на жилеты было безумно жаль, но иного выхода нет.

– Тоже вымоюсь... Обед закажем... Может, даже выспимся. И уж тогда пошлем нарочного к отцу. – И мстительно повторил за тетушкой: – Но если он будет поздно, то лучше завтра... – И он направился к дверям.

– Дмитрий! Какой еще отель! Немедленно вернись! – вскричала тетушка. – Антипка! Держи его!

Митя вздрогнул. Он с трудом удержался, чтоб не убить ее... а она ведь дама и родственница. Если дурак-сторож хоть руку в его сторону протянет... Митя почувствовал, как пальцы дернулись, как от перунова удара, и скорчились напо-

добие когтей. Почти ощутил лопающиеся под ногтями глазные яблоки сторожа...

– Барыня, да как я задержу? Их же, вона, двое... трое... И все такие здоровые!

Разумный, оказывается, мужик – сторож!

Едва не бегом Митя выскочил на улицу... Хлынувший в лицо воздух и недоумевающая физиономия Ингвара заставили его шумно перевести дух. Казавшееся непреодолимым желание убивать отползло медленно и нехотя, как приливная волна. Сверху донесся недовольный вздох... и Мите на нос спланировало маленькое черное перышко. Ах вот как! Он зло стиснул кулаки. Не дождешься!

Спокойствие. Невозмутимость. Сдержанность. Он светский человек или пейзажник какой?

– Вы с Ингваром в одном номере предпочитаете, Свенельд Карлович, или в разных? – Вопрос должен был прозвучать весело и заинтересованно, и... так он и прозвучал. Никакого волнения, никаких переживаний. Хотя если Штольц выберет два – хватит ли денег?

– Дмитрий! Домой! – Подхватив юбки, тетушка вихрем вылетела из дверей. – Сейчас же!

– Тетуш-ш-ш-шка! – прошипел Митя, стараясь аккуратно и незаметно вернуть выскочивший в ладонь нож обратно в перевязь. Наконец нож скользнул на место, и Митя задумчиво поглядел на вцепившиеся в кожаный рукав плаща сухонькие пальчики. – Вы тихо кричите, тетушка. Не всем лю-

бопытствующим слышно, как сестрица начальника губернского департамента полиции закатывает публичный скандал. Посредине улицы. На глазах у соседей.

Пальцы еще мгновение подержались за темную кожу и медленно разжались. Тетушка стрельнула глазами туда-сюда и невольно оправила строгий белый воротничок с острыми, как шилья, кончиками.

– Дмитрий, я требую, чтобы ты вернулся в дом! – проводя ладонями по и без того отлично выглаженной юбке, процедила она.

– Я услышал ваше требование, дорогая родственница! – почтительно ответил Митя и полез в седло. В изящную игру «твои слова ничто для меня» он тоже умел играть. Получше тетушки.

– Дмит!... Дмитрий, – резко понизила голос она, – ты хочешь разгневать отца?

– Думаете, его разгневает, что я уберег его от позора? Накликанного родной сестрой... и продолжаете ведь накликивать...

Тетушка снова нервно огляделась – головы любопытных уже совершенно откровенно торчали из всех окрестных окон.

– Ты хочешь его... расстроить?

– Полагаю, гораздо больше отец... расстроится, узнав о вашей крайней нелюбезности с его хирдманном.

– Я ничего не знаю ни о каких хирдманнах!

«Так учитеесь! – хотелось закричать Мите. – А то ведь так необразованной провинциалкой и помрете! Может, даже прямо сейчас!»

Буйное биение крови толкалось в виски, и казалось, кто-то тихонько шептал на ухо, какое мягкое, податливое у тетушки горло...

Тетушка. Дама. Родственница как-никак... Была б она мужчиной... Вот Ингваром, например... Увы. Митя на миг прикрыл глаза.

– Где ваш Антипка, тетушка? – устало сказал он. – Пусть откроет ворота.

– Ты... остаешься? – дрогнула голосом тетушка.

– Мы остаемся, – криво улыбнулся Митя. – Заведем автоматы... Вы ведь для этого выскочили за нами, верно? Чтоб помочь?

Он не знал, ради чего тетушка затеяла весь этот балаган, но, когда дама наконец понимает, что творит глупости, надо дать ей возможность отступить... и надеяться, что она не окажется вовсе уж упрямой дурой!

Тетушка поглядела на него. На любопытных. На Штольцев... Подумала и кивнула. Митя едва заметно выдохнул:

– Спасибо, не беспокойтесь, мы сами. А вы пока приготовите комнаты для господ Штольц.

– Конечно... прошу вас, любезнейшие...

– Уважаемые Свенельд Карлович и... – Митя еще раз вздохнул, – Ингвар Карлович!

Тетушка пожевала губами, явно сомневаясь, признавать ли Штольцев уважаемыми, наконец выдавила:

– Очень рада... прошу прощения за недоразумение... Одинокая женщина... с ребенком... Естественное опасение... – И она ретировалась в дом.

– Ребенок – это вы? – буркнул Ингвар.

– Ребенок – моя кузина Ниночка, – с достоинством сообщил Митя. – Прелестное дитя.

Кто знает, может, даже и правда. Хотя сомнительно.

Свой автоматон Митя завел в пахнущий сеном и деревом денник – если убрать отсюда поилку и подлатать крышу, сойдет. Паротелегу оставили прямиком во дворе. Через внутреннюю дверь Митя вошел в дом – тут царила суета, горничная едва не врезалась в него, снова поглядела с ужасом и помчалась дальше, даже книксен не сделал. Митя передернул плечами и неспешно, по-хозяйски – во всяком случае, он надеялся, что так, а не волоча ноги от усталости, – поднялся на второй этаж, к спальням. Крохотная частичка измотанного разума попыталась оценить бледно-зеленые штофные обои и деревянные панели до середины высоты стены, но почти сразу сдалась – нет сил. Зато невысокую дверцу в торце коридора он заметил сразу же, и... да, это была она!

Небольшое помещение с крохотным оконцем под лепным потолком было отделано розоватым мрамором. В углу на массивных львиных лапах покоилась изрядной глубины белоснежная фарфоровая купель, а за плотной расписной

ширмой прятался стульчак. И... к нему вела блестящая медная труба! Митя зачарованно уставился на ее элегантные извивы. Неужто ж water-closet? Не-ет, он не станет дожидаться, пока ванну наполнит прислуга! Он шагнул к дверям – запереться и поскорее изучить это невероятное чудо технической мысли...

– Моя маменька все равно тебя выживет отсюда, противный кузен Митька! – донесся злой девчоночий крик.

Ошарашенный Митя выглянул наружу.

Широко расставив крепенькие ножки в домашних туфельках с бантиками и крепко стиснув кулачки, посреди полутемного коридорчика стояла пухленькая девочка лет семи. Клетчатое платьице морщило под широким шелковым пояском, точно шили его с запасом на вырост, короткие толстые косицы торчали кверху, как рожки, и этими рожками она целилась в застывшего напротив Ингвара.

– Ниночка? – изумленно приподнял брови Митя.

Девочка медленно обернулась, перенацелив косички-рожки уже на него.

– Кузен Митька – это я, – любезно сообщил он. – А это Ингвар. Уточните у маменьки: кого именно из нас она собирается выжить?

Девчонка сдавленно ахнула, подбородок у нее затрясся, и, всхлипывая, она кинулась прочь.

– И заодно – когда ужин! – крикнул ей вслед Митя.

– Прелестное дитя, – повторил Ингвар.

– Вы с ней непременно сойдетесь, – заверил его Митя. – Хотя бы в нелюбви ко мне. – И захлопнул дверь.

– Что ж, сюрприз отцу удался. – Митя задумчиво стянул с себя плащ. – Любопытно только, знает ли отец о ее планах... Да и чем я вызвал такую тетушкину немилость, хотелось бы понимать...

Неужели в их с отцом единственный визит в Ярославль, три года назад, Митя настолько тетушке не понравился? И послужит ли смягчающим обстоятельством, что его тот визит тоже совершенно не порадовал?

– А, к Велесу, все потом!

Он принялся лихорадочно стаскивать с себя сюртук, жилет, панталоны, о-ох! Дрожащей рукой повернул медный вентиль и замороженно слушал, как кран сперва басовито загудел – у-у-у! Потом словно откашлялся – грых-грых! Потом смачно плюнул в фарфоровую купель ржавой водой с принесенными по трубе мокрицами. Мокрицы извивались на дне ванной, когда из закряхтевшего крана мощно хлынула вода и унесла их в сток. Бунзеновская колонка утробно загудела, Митя засуетился, пытаясь понять, что делать, и наконец благоговейно повернул рычаг, напряженно заглядывая в овальный глазок. Огонь полыхнул, чуть не опалив ресницы и брови, но совсем не уменьшив Митино восторга. Оскальзываясь на мраморном полу, забрался в купель, плюхнулся на холодное дно и принялся замороженно смотреть, как вода поднимается вокруг него, становясь все теплее и теплее. И нако-

нец с блаженным вздохом откинулся на подголовник ванной.

Все тело болело.

Голова кружилась.

В городе... убивали.

Мужик, в запале пьяной ревности проломивший голову тихой, безответной жене. Троица блатных, забивающих ногами заподозренного в крысятничестве подельника. Он чувствовал их: короткие вспышки ужаса и боли и... конец. Дрожь, Митя обхватил себя за плечи. Мужик сдастся завтра, сам, проснется рядом с уже остывшим трупом и вззоет, а потом побредет через город, неся мертвую на руках и крича: «Бейте, бейте меня, люди!» Никто не ударит его, и, сопровождаемый молчаливой толпой, он так и добредет до участка. Блатных повяжут над телом, совсем скоро, княжич Урусов и повяжет. Он уже идет по проулкам, преисполненный гнева, и думает, что неладно с его жизнью, если какой-то полицейский смеет говорить таким тоном о нем, кровном княжиче. Подвернувшиеся блатные станут ему отдушиной: они попробуют сопротивляться, и Урусов швырнет на одного свою рысь, другого атакует трясущаяся от чужой ярости ворона, а третьего княжич попросту с наслаждением отлупит и поволочет в участок. Но было в этом городе еще что-то... Страшное, темное, зловещее, оно неспешно, уверенно ползло по проулкам, и за ним тянулся шлейф кровавой тьмы. Оно то и дело останавливалось, приглядываясь, прислушиваясь, приносясь... Сквозь черное марево проступали силуэты до-

мов, зыбкие, как видения... Высокое крыльцо, фронтон с полуколоннами... Взгляд у неведомой твари был выбирающий, и смахивала она на... кухарку, шагающую с корзинкой меж торговыми рядами с живыми курами! Куры топчутся, квохчут, суетятся, не зная, что на одной из них уже остановился этот выбирающий взгляд – эх, хороша! На бульон...

Смертоносная тварь словно ввинтилась в открывшийся проход – Мите показалось, что он видит захламленный полукруглый дворик, облупившуюся стену с неожиданно массивной дверью, край грубо намалеванной вывески: «Домъ мо...» А потом его вдруг резко и сильно затошнило, он хватанул ртом воздух, чувствуя, что задыхается...

Последнее, что видел Митя, была неторопливо катившая по улице крытая паротелега...

– А-а-а! – Вода хлынула в рот и нос, он распахнул глаза под водой, забил ладонями и... вынырнул из переполненной ванной, отплевываясь и судорожно дыша. Вода с хлопаньем переливалась на пол. И была она совершенно черной.

Митя торопливо выдернул затычку и принялся отключать колонку, глядя, как черная вода просачивается в сток, открывая белые фарфоровые стенки ванной. Его снова била крупная дрожь. Он ведь знал, что стоит упокоить хоть одного мертвеца – и нормальной жизни уже не будет. Но ожидал все же чего-то... да чего угодно! Но чуют каждого убитого в городе – это уж слишком, даже для Нее!

– Оставь меня... больно... не хочу...

– А ты убей – полегчает! – издалека донесся шелестящий шепот, скрипучий смех, и... и словно некая дверь захлопнулась в его разуме, отрезая терзающие его картины.

Митя стоял, опираясь на ванную и дыша шумно, как загнанный зверь.

Шлепая босыми ногами по мокрому полу, он кое-как натянул на себя панталоны, передернувшись от отвращения, накинул влажную рубашку... и понял, что дальше соблюдать приличия у него просто нет сил. Сгреб в охапку вещи и как был, босиком, вывалился в коридор. Метнувшаяся с его дороги горничная вжалась в стену. Против обыкновения, ему было все равно. Он толкнул дверь, оглядел погруженную в полумрак комнатку – не понравилась: маленькая, убогая и неприбранная. Толкнул вторую – постель сияла в сумраке только что застеленным бельем. Митя свалил вещи у порога, сбросил рубашку и рухнул в кровать, едва сумев натянуть на себя перину.

Позже, сквозь черный, как обморок, сон, он вроде бы видел зажженный газовый рожок на стене, и кто-то толкал его в плечо, нервно, почти с плачем требуя:

– Дмитрий, встань немедленно, это не твоя спальня!

И голос отца:

– Оставь его, Людмила, у него был тяжкий день! Меня устроит другая спальня.

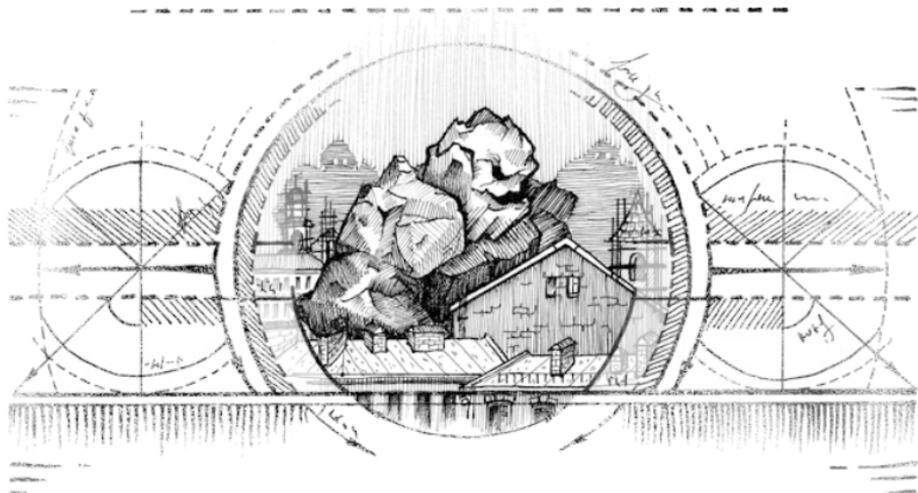
– Но ведь там же... – Голос тетушки прозвучал беспомощно, а потом и вовсе смолк, и Митя рухнул обратно в непро-

нищаемую, но отчего-то уютную тьму. Кажется, тьма гладила его по волосам и тихо, почти неслышно напевала.

Глава 9

Утро без штанов

Солнце пригревало лицо, Митя покрутился, пытаясь спрятаться от его лучей под подушкой, но сон уже ускользал. Позевывая, Митя высунулся из-под перины. Никуда здешняя прислуга не годится, даже шторы задернуть не догадались! Пылинки танцевали в потоке золотистого света, бьющего сквозь чистое, до скрипа вымытое стекло. Митя сморщился, чихнул, сел на смятой постели и принялся озираться. Новомодные бумажные обои с изящным тиснением, мебель, солидная, темного дерева, может, даже чересчур со-

лидная, хотелось бы помоднее, но и так неплохо. Дверь всего одна, значит, своей гардеробной при комнате не имеется, зато есть изрядный дубовый шкаф. Разве что кровать с резной спинкой жестковата: Митя бы предпочел матрас потолще, это отец любит по-спартански...

Неприятные воспоминания о голосах среди ночи, что-то бубнящих про «не твоя спальня», заставили его оглядеться снова, уже настороженно. Комната понравилась, и отдавать ее не хотелось. Здесь уже его вещи и... Взгляд остановился на кучке у двери. Его вещи и впрямь были здесь: валялись у порога там, где он их уронил. Сюртук и рубашка скомканы в неопрятный клубок. Панталоны брошены у кровати. Жилета не было, сапог тоже, и Митя заподозрил, что они так и остались в ванной комнате. Он просто почувствовал, как его лицо вытягивается от недоумения. Прислуга оказалась не просто негодной, а какой-то... безумной? Даже самозваному лакею, прибившемуся к ним в деревне, не приходило в голову бросить одежду господ в таком пренебрежении! Невычищенной, неразвешанной, не... Митя огляделся в третий раз и понял, что его сундука с единственной сюртучной парой, полностью уцелевшей в летних приключениях (потому что была на самом Мите), тут тоже нет!

– И как сие понимать? – Он дернул за свисающий над кроватью шнурок сонетки. Шнурок качнулся, где-то внизу, в помещениях для прислуги, задребезжал звонок. И никто не явился.

Митя позвонил еще. Наконец дернул сонетку с такой силой, что оборвал шнурок. В коридоре слышались быстрые шаги... Наконец-то! Он потянул перину на себя. Не сбавляя темпа, шаги пролетели мимо его двери. И снова – тишина.

Митя неловко слез с кровати и подобрал панталоны. С отращением растянул на руках, сморщился: нет уж, еще раз он их не наденет! Стараясь одновременно прикрыться ими и не соприкоснуться с грязной тканью чистой кожей, прокрался к дверям и, приоткрыв щелку, тихонько выглянул наружу.

– Слышь, Маняш, колоколец-то ажно разрывается – барчук который раз звонил! Сходила б ты к нему. – Голос сторожа Антипки доносился из распахнутой двери ванной комнаты.

– Не пойду! – Из глубины ванной зло загремело ведро. – Ни про каких барчуков барыня не сказывала! Барышня – в доме, что барина ждут – тоже говорено, а про барчука – ни полсловечка! Да и двое их приехало – который из них барчук?

Митя оскорбленно моргнул: она еще сомневается?

– Вот скажет барыня идтить, тогда... и тогда не пойду! – воинственно объявила горничная. – Охальник он!

– Да молодой он ишшо – охальником чтоб быть! Мальчонка почти...

– Мальчонка-то мальчонка, а давеча по колидору, почи-тай, нагишом вышагивал! Видали мы таких: только и знают, что горничных в темных углах подкарауливать. Не-е, чест-

ной девке от таких подале!

Митя медленно закрыл дверь и привалился к косяку, чувствуя, как щекам становится горячо. Он знал, что никогда, никогда-никогда нельзя отступить от этикета, и вот извольте! Единственный раз случилось, и о нем уже сплетничают горничная со сторожем, а уж что они разнесут по городу – страшно подумать. А все проклятые трупы! Им-то что – сожрали их, и все, а у него вот-вот – и репутация в клочья!

Ладно... В таком виде, как сейчас, попадаться на глаза горничной не следует. Дождаться, пока отец заинтересуется, почему его не видать? А если тот сразу уедет в департамент? Сидеть в комнате до вечера? Раздетым? И... Митя опустил на четвереньки, чтобы убедиться в неприятной догадке. Ночного горшка под кроватью не было.

Он всегда восхищался прогрессом, но старомодный подход тоже имел свои достоинства... не надо было никуда ходить!

Та-ак... Митя разворошил кровать, стянув нижнюю, плотную простыню, замотался на манер античной статуи и, как горничная и боялась, засел караулить. Пока она уйдет. Наконец мимо приоткрытой двери пробежали быстрые шаги, снова гроыхнуло ведро. Митя высунулся в щелку и увидел, как горничная торопливо спускается по ступеням. В вихре развевающейся простыни он метнулся в ванную комнату и, задыхаясь от счастья, заперся изнутри. Минута счастья, вторая, третья... Потом его посетила жуткая мысль – а если

столь нужная комната вдруг тоже кому-то понадобится? Например... кухне Ниночке! А внутри он. Тетушка его казнит. Это в лучшем случае.

Нет, он все больше и больше начинал ценить старомодную классику!

Митя плеснул ледяной водой в красное и, кажется, горячее лицо. Ему остается лишь выбрать, что хуже: быть застуканным в ванной или... рискнуть. Митя выглянул в коридор и, трепеща краем простыни, ринулся обратно к спальне.

По лестнице снова затоптали шаги. Бежать к себе было поздно, и Митя просто рванул ближайшую дверь, заскочил внутрь и навалился всем телом на створку, точно боясь, что горничная за ним погонится.

– Что вы здесь делаете? Да еще в таком виде! – гневно спросили его.

– Ингвар! – обреченно вздохнул Митя и медленно повернулся.

Вместо приевшихся за лето рабочих блуз на Ингваре красовалась форма реального училища. Митя склонил голову к плечу: сам бы он никогда такого не надел, но для Ингвара... неожиданно неплохо. Пуговицы блестят, складки заправлены: германцы и форма созданы друг для друга! И сам Митя – в простыне!

– Я надеялся найти Свенельда Карловича, – потребовались поистине титанические усилия, чтоб не переминуться с ноги на ногу и не кутаться в простыню, как застуканная в

бане девка.

– Брат уехал на рассвете, – поправляя ремень, пробурчал Ингвар. – У него в городе множество дел!

В голосе Ингвара звучала досада, и не понять: то ли на брата обижался, то ли Митю в безделье упрекал. В любом случае: старшего Штольца нет, одним спасителем меньше. Стараясь не смотреть на Ингвара, Митя огляделся – комната была чуть поменьше его, но тоже обставлена с немецкой аккуратностью и тщанием.

– А у вас тут... мило. Кресла вот... глубокие... Это из-за тетушки Свенельд Карлович уехал?

– Нет! – выпалил Ингвар. – Да. Он к вечеру вернется.

– Но завтракать не захотел...

– Не звали, – отрезал Ингвар.

– Меня вот тоже, – неожиданно признался Митя. Склонил голову к другому плечу... Чрезвычайные ситуации требуют чрезвычайных решений! – Ингвар, а вы... я... вынужден просить вас о помощи! Я понятия не имею, где мой сундук, и... у меня совсем никакой одежды, потому и искать его сам я не могу...

– Я вам не прислуга! – исподлобья глянув на него, буркнул Ингвар.

Не получилось. Плебеи не знают благородства.

– Здешняя прислуга, сдается мне, тоже не прислуга, – хмыкнул Митя, подбирая путающийся в ногах край простыни. – Что ж... Пойду я, пожалуй... Не знаю, право, что поду-

мает о нас... о вас эта самая прислуга, когда я выйду отсюда в простыне.

– А что она подумает? – удивился Ингвар.

Митя поглядел на него едва ли не умиленно: о, неразвращенная провинция! Глаза Ингвара вдруг расширились, и он начал мучительно краснеть. А, нет... все-таки немножко развращенная.

– Что вы за человек такой! – в сердцах сказал Ингвар. – Не можете не оскорблять, не шантажировать, не...

– Я попросил вас о помощи, Ингвар! В безвыходной ситуации! И что же я услышал в ответ?

– Я тоже просил о помощи там, в имении Бабайко!

– Если бы вы не изволили лезть куда не приглашают, вам бы и помощь не понадобилась! И вы, кажется, остались живы!

– Уж не благодаря вам!

Митя открыл было рот, чтобы ответить... и закрыл. Как приятно было бы рассказать, что все они – Ингвар, его брат, отец, стражники, деревня, а может, и вся губерния – все они живы только благодаря ему. Но, увы, нельзя. Да уже и не хочется: не перед Ингваром же ему оправдываться, право слово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.